

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 40 (954) Среда, 8 октября 1941 г. Цена 45 коп.

Сегодня в номере:

1 стр. ПЕРЕДОВАЯ. Уничтожим фашизм, врага культуры! Аркадий КУЛЕШОВ. Песня о безымянном герое. Книжки, зовущие к победе. Журнал в эфире. Вечер, посвященный фронту. ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО. НА ОЧЕРЕДНОЙ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ.

3 стр. Вл. НЕЙШТАДТ. Баллады и песни великого народа. Борис ПАСТЕРНАК. Правда (стихи). К. ЧУКОВСКИЙ. Старинная дружба. И. КАРА-ИВАНОВ. Болгарский народ против фашизма. А. ГУРВИЧ. Люди, живущие в нашей стране. 4 стр. М. ГИТТЕРМАН. Над чем работают писатели-антифашисты. Е. КАНН. Шиллер и Россия. М. ГУС. Мечты белогорной Малхен. ИНФОРМАЦИЯ. На заседании президиума ССП СССР с активом. По Советской стране. За рубежом.

УНИЧТОЖИМ ФАШИЗМ, ВРАГА КУЛЬТУРЫ!

«Ложное стремление непродуктивно, а если оно и кажется продуктивным, то плоды его не имеют цены...»

Фашизм поставил своей целью: превращение людей в тупых, бессловесных, покорных рабов куклы «господа», фашизм ослепляет священные чувства, любовь, семью, фашизм начал всех начал провозглашает смерть!

Литература — это раньше всего откликание в жизни и воспроизведение тех идей, которые творят жизнь, делают ее лучше, прекраснее, борются за торжество великих идеалов человечества.

Он хотел, очевидно, сказать, что для искусства недостойны эти «герои», но, против своей воли выразил он горькую боль фашизма: правду не может искусство пасть так низко, чтобы выместить тех, кого великолепно охарактеризовал Гейне:

В самый светлый день и даже Вспоминаю эту тварь. Ни мерзостнее, ни гадше Не выдал еще я харь.

Литература — это пламенное человеческое сердце, бьющееся в груди художника в унисон с сердцами людскими...

Это — великие души русских женщин Пушкина, Тургенева, Толстого, это — высокое человеческое достоинство Огелло, это — героическая любовь Ромео и Джульетты, это — благородный гуманизм Карла Моора.

Человек, осмелившийся произнести эти чудовищные слова, Дарре, министр земледелия и руководитель «человеководства» в Германии совместно с обер-палачом Гиммлером обращают немцев женщин в самое для штурмовиков и эсэсовцев, официально отменяет любовь и заменяет ее исполнением воинского долга девушки, обязанной стать матерью ребенка от уходящего на фронт «честного» гитлеровского бандита...

И вот эти в массовом, в государственном порядке проводимое оскотинение должно живописать литература!.. Но ведь такая литература может быть только заборной!

Литература — это всегда утверждение высоких идей, это — борьба за победу разума над инстинктами, за торжество прекрасной, истинно человеческой морали.

А в нацистской стране, где жидовки вынашивают эрацидильи, мозги пыкаются эрацидильями, — о какой же литературе, какой культуре можно тут говорить!

О. Шпенглер, обитая страхом перед неизбежной гибелью старого мира, объявил смерть законом, судьбой культуры и человечества, возвед смерть в закон жизни. «Назад к большому мышлению, к размышлению о смерти», — говорит Шпенглер в искусстве исходным пунктом является культ мертвых, формы погребения и украшения гроба.

«Человек — это единственное существо, знающее о смерти», — из этого правильного наблюдения Шпенглер сделал чудовищно неверный вывод. Он не был способен понять, что человек познал смерть для борьбы с ней, для преодоления ее. Шпенглер, жаждавший одиночества человека перед лицом смерти, не мог не увидеть в смерти начало и конец всего на земле, и он вполне последовательно заявил: «С новой идеей о смерти прожужжало новая культура». С такой новизной, только ей одной присущей идее смерти, — по словам Шпенглера, — родилась и новая немецкая, пруссаческая культура...

«Что же это за идея, которую автор «Пруссачества и социализма» считал сутью своего «пруссаческого социализма», которую у него восприняли фашисты, переименовав его «пруссаческий социализм» в свой «национал-социализм»?

«Война есть высшая форма человеческого бытия, и государства существуют для войны», — так выразил сущность всей «философии» Шпенглер: он перевел на язык утонченных эквилибристических рассуждений грубую прозу немецко-прусских генералов:

— Дайте нам побольше пушечного мяса, покорию идущего на смерть! Идея смерти на войне — смерти без рассуждения, без колебания, смерти по первому приказу «фюрера» — вот эту «идею» и развивает и пропагандирует на все лады фашистская «литература» — на сцене, на экране, в романах и в стихах.

Но это — та же старая генеральская, фридриховская, вильгельмовская «идея» пушечного мяса!

В Дебиль в книге «Германский путь к трагедии» вышестенно заявляет: «Умереть, пасть на поле битвы... Вот высшее, чего может добиться немецкий человек...»

Эта, с позволения сказать, эстетическая максим при ближайшем рассмотрении оказывается переказом более прозаических и более точных рассуждений руководителя военного журнала «Дейче Вер».

«Всякая человеческая и социальная деятельность имеет оправдание только в том случае, если помогает подготовке к войне. Новый человек целиком проинкруст из идей войны... Эта мысль является его единственной страстью, его единственным наслаждением, его пороком и его спортом, короче — подлинная одержимость...»

Но и облетевшие в форму эстетических рассуждений, воинские уставы и инструкции генерального штаба не могут породить литературы. Фашистские растлители духа утверждают, что музыка Монпарти — такое же воплощение немецкого гения, как и музыка Моцарта — гром пушек у Седана... Нагая ложь!

Обратив миллионы немцев в двуногих животных, превратив их рабов в полуживотных в чудовищного ваннера, который пролагает вправо и влево у всего человечества, Гитлер обратил Германию во врага всякой культуры, всякой цивилизации.

Фашисты смертельно ненавидят людей культуры. Интеллигенция — слишком большое умишко, не могут голоса разрешения наших дел — ничинго повороти. Гейбелс, Интеллигенция Гиммлер в первую очередь истребляет в захваченных странах.

Интеллигенция всего мира вопиет, какая смертельная опасность грозит ей и культуре. Все передовые люди с восхищением и надеждой выирают на титаническую борьбу, которую ведет СССР против Гитлера — во имя спасения нашей великой страны, во имя спасения человечества, во имя спасения культуры.

Драйвер и Фейхтвангер, Томао Мани и Синклер, Жюль Ромен и Генрих Манн, Уэллс и Шон О'Кейси, писатели, художники, ученые Европы и Америки, Азии и Австралии, со всех концов мира, швыряют горячие приветия Советскому Союзу, признают все страны, все государства объединятся, чтобы помочь Советскому Союзу разбить смертельного врага жизни, корричного рыпая смерти — Гитлера!

Этот призыв передовой, лучшей части человечества не остается без отклика. Величайшие державы мира, СССР, США и Британская империя, на московском совещании пришли к практическим соглашениям об объединении своих сил и ресурсов. Они провозгласили свою непоколебимую решимость, свою твердую волю: уничтожить фашизм, раздвинуть гитлеровскую Германию, освободить мир от угрозы нацистской тирании... Эта вещь на полдня радость сердца всех, кому дорога жизнь, искусство, культура. Эта вещь требует от каждого деятеля литературы и культуры:

— Удештерить свою помощь борьбе против Гитлера. Сдвинуть все, что в силах, сверх всяких сил, все, что необходимо, чтобы помочь Советскому Союзу и великой коалиции свободных народов отстоять мировую культуру, истребить двуногих бешеных волков, угрожающих гибелью всему человечеству и всему человеческому.

Книжки, зовущие к победе

В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ «СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ»

С первых дней великой отечественной войны Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» по боевому переключению на выпуск оборонно-войсковой художественной литературы. Уже в июле месяце оно приступило к изданию большими тиражами художественно-полноценных, хорошо оформленных книжек, охватывающих широкий круг тем. Книжки издаются на такие темы, как «Выручка в бой», «Героические подвиги бойцов», «О бытности войны», «О трудовом героизме ленинградцев» и на многие другие актуальные темы. План издания военно-художественной литературы достаточно обширен и предусматривает выпуск нескольких десятков названий.

Реализуя этот план, Ленинградское отделение, прелевав предварительную организационную работу с писателями, художниками и полиграфистами, уже выпустило свыше двадцати книжек. Среди них: книжки со стотысячными тиражами о великой отечественной войне В. Лебедева «Ученик Фрузе» (о Герое Советского Союза генерал-лейтенанте В. Мишулине), В. Каверина «Трое» (о героических морских балтийских летчиках), И. Кратта «Партизаны», Д. Бродский и А. Голубев «Разезд 105-й (о подвиге радовой советской девочки на одном из участков ленинградского фронта).

Об отечественной войне Ленинградское отделение выпускает обзоры «Родина зовет». Уже вышло три очередных обзоров, в которых опубликованы произведения В. Каверина, М. Слюсиского, М. Золотко, Н. Никитина, В. Лапурева, Н. Тихонова, А. Прокофьева, В. Лихарева, В. Кетлинской и других ленинградских писателей и поэтов.

Издаю также несколько художественных произведений о войне с белофиннами. По этой серии следует отметить книгу Л. Канторвича «В боях», В. Лихарева «Занки сапера», С. Леонова «Фронтовые воязды», А. Молчанова «Прорыв», Г. Мирониченко «Танкист Дудко», а также сборники стихов А. Решетова, И. Авраменко, В. Лифшица.

В серии историко-патриотического художественной литературы в свет вышли книги В. Шникова «Партизан Денис Давыдов», Е. Федорова «Партизаны Васильева», Н. Никитина и В. Лебедева «Удар Брусилова» и книжка этих же авторов «Чапаев на германском фронте».

Ленинградское отделение в эти напряженные дни героической обороны Ленинграда стоит на боевом посту, энергично организует выпуск художественной литературы, возущей к беспощадной борьбе и к победе над заклятым врагом. Переключившись целиком на обслуживание бойцов, защищающих город Ленина от нашествия фашистских орд, Ленинградское отделение издательства правильно поняло свое место в системе героической обороны великого города.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Вечернее сообщение 7 октября

В течение 7 октября наши войска вели упорные бои с противником на всем фронте, особенно напряженные в Вяземском и Брянском направлениях.

За 5 октября в воздушных боях сбито 42 самолета противника. Наши потери — 27 самолетов.

В Варенковом море потоплен немецкий транспорт водоизмещением 7.000 тонн.

На одном из участков Юго-Западного направления фронта наша авиация уничтожила 64 немецких танка и бронетехнику, 130 автомашин с пехотой и военными грузами, 2 орудия и несколько цистерн с бензином.

В двухдневном упорном бою героические защитники Одессы нанесли серьезные уроп румыно-немецким войскам. Разгромлено до четырех батальонов румынской пехоты и 75 пехотный полк 27 немецкой дивизии. У противника отбито 49 орудий разных калибров, 25 пулеметов, много минометов и боеприпасов.

Наша авиация, охраняющая подступы к Ленинграду, продолжает наносить удары по скоплениям войск противника. Во время полета на крупную вражескую колонну группа наших самолетов уничтожила 41 автомашину, 15 точек зенитной артиллерии и батарею тяжелых орудий. Успешным налетом другой группы самолетов уничтожено 5 немецких бронемашин, 15 автомобилей, две батареи и шесть точек зенитной артиллерии. В завязавшемся воздушном бою с немецкими истребителями, пытавшимися защитить свои мотополки, наши летчики сбили 7 «Мессершмиттов-109».

Партизанский отряд под командованием председателя Совета Осавиахима одного из районов Ленинградской области тов. П. Пронин по фашистским тылам более 400 километров и нанес врагу серьезные удары. Партизаны взорвали склад авиационных, парашютных и других боеприпасов, уничтожили 6 немецких велосипедистов, захватили одного немецкого офицера и отобрали у него оперативные документы.

Группа партизан устроила засаду у проселочной дороги, ведущей к линии фронта, и уничтожила две автомашины с 5 фашистами. Другая группа бойцов отряда обнаружила фашистский «Мессершмитт», совершивший вынужденную посадку. Партизаны уничтожили летчика и сожгли самолет.

Сведения об огромных потерях белофиннов в ходе войны с Советским Союзом доходят до финского народа. Ниже приводятся некоторые выдержки из писем белофинских солдат родным и знакомым. Солдат Питкянен сообщает брату: «Толь-

ко чудом я спасся. В нашем взводе осталось всего 9 солдат. Когда наступил мой очередь» Кирай Алво Руут, убитый под Ленинградом, писал издалеко до своей смерти на родину: «В нашей части уже убито и ранено много солдат. Из моих старых товарищей почти никого не осталось». Пленный капитал Ляре на допросе заявил: «В нашем батальоне осталось только половина прежнего состава. В соседнем подразделении сменилось шесть командиров батальона. Четыре из них убиты, один ранен, шестой выбыл по болезни. Многие солдаты не хотят воевать против Советского Союза. Финский народ устал от непосильной войны, навязанной ему клякой гитлеровских прихлебателей».

Безрадостные письма получают финские солдаты из тыла. Солдату Микитало пишет мать: «Недавно у нас расстреляли солдата. Когда партия резервистов отправилась на фронт, он спрятался в палаше. Его обнаружили, по он заявил, что ни за что на фронт не поедет». Родные солдата Хеймо сообщают ему: «Пришлили бы тебе посылку, как ты просил, но ничего купить нельзя. В магазинах пусто». Жена солдата Артия из Хельсинки жалуется: «Заработок мой ничтожный. Становится страшно, когда подумаю, что скоро зима. Что будет вперед!».

Советские железнодорожники усердно готовятся к зиме. В депо, на станциях, вагонных участках, дистанциях пути в связи идет ремонт вагонов, путей, стрелок, изготавливается необходимый инструмент и материалы. Многие предприятия железнодорожного транспорта уже полностью подготовились к зиме. Им вручены паспорта готовности к работе в зимних условиях. В свободное от работы время машинисты-луничцы депо Гитцево Пензенской железной дороги тт. Буршов, Балабанов, Девятко, Белоусов, Кузнецкий, Макеев отремонтировали и отрепировали свои паровозы. Коллектив паровозников депо Тымень железной дороги имени Кагановича организовал на месте производства 35 видов ремонтных работ, необходимых для зимнего ремонта паровозов, которые также выполнялись в депо с запасов. Путевники Каширской дистанции Московско-Донбасской железной дороги своими силами изготавливают к зиме снегоступы и колья. Они уже отремонтировали свыше 4 тысяч квадратных метров вагонных заборов. Жены путевцев отремонтировали и побелили все путевые знаки.

По инициативе инженера паровозной службы Московско-Окружной дороги тт. Никитиной, группа женщин — слесарки чиха депо Лихово — лаборант Еланова, машинистка депо Лихово, слесарки Гордицын Доросова и Артамонова, оставив в депо после работы, починили свыше 100 комплектов зимней одежды.

Журнал в эфире

Среди переданных по радио за минуту-другую литературных произведений выделяется рассказ Л. Кассия «По материнской части» из цикла «Московские записки». Рассказ посвящен дружбе летчика-истребителя и воентехника. Рассказ Л. Никулина «Любимый город» и очерк Я. Эльсбергера «Великий город» посвящены Ленинграду.

Большой интерес представляла статья московского корреспондента агентства Рейтер и газеты «Сендей Таймс» А. В. Брага «Лондон-Москва». Очерк К. Симонова «Девушка с Солжыки» повествует о героине-девушке с солдатских промыслов. И. Богданов в рассказе «Бо дни рождения» дал портрет летчика Чулкова. Были переданы также рассказы Шандора Гергеля «Следуй за мной», И. Меньшикова «Маленькие знамя», фронтовые зарисовки Ч. Чекина, статья С. Иванова «Поэтовол» о Денисе Давыдове, отрывки из поэмы «Песня матери» антифашистского поэта Ондра Лысогорского и стихи М. Голубного.

Неисчерпаемая тема

Московские писатели 30 сентября привели у себя в клубе редакция журнала «Краснофлотец». Внимательнее были выслушаны доклад капитана З. З. Яковлева и речь полковника Яковлева.

Наш флот провел уже сотни боевых операций. Каждая из них может служить темой для большого художественного произведения.

Рассказывая о своей работе в Краснофлоте, поэт А. Жаров обращает внимание писателей на моряков так называемых «тихих профессий». От искусства, мужества и находчивости этих скромных людей так зависит успех важнейших боевых операций.

Об особенностях писательской работы в журнале «Краснофлотец» говорил Л. Никулин.

— Морская литература специфична. Она должна быть сюжетно насыщена и проникнута великим морским духом. Никаким стиливым изощрениям здесь не место.

— Эти исторические дни, — сказал Вс. Иванов, — полны замечательных и великих случаев в тылу и на фронте. Не заметные, скромные люди вскрывают все величие русского духа.

Прочитанные писателем небольшие рассказы об этих удивительных и ставших уже повседневными случаях были выслушаны с напряженным интересом.

Сильное впечатление оставил рассказ Л. Кассия «Отмщение». Остров прозвучал рассказом-памфлетом В. Катаева «Их было трое».

Писатель К. Чуковский прочел очерк о помощи, оказываемой фронту гражданским коллективом советских детей.

Приехавший с фронта поэт Шипачев прочел свои фронтовые стихи, как всегда короткие и целеустремленные. Военная тематика придала им особую силу.

Хорошо были встречены также стихи М. Алигер, М. Голубного и С. Алымова. Председательствовал на вечере А. Фадеев.

На очередной пресс-конференции иностранных корреспондентов

На состоявшейся 7 октября пресс-конференции иностранных корреспондентов заместитель начальника Советского Информационного Бюро тов. С. А. Лозовский заявил следующее:

«Вчера я получил письменный запрос корреспондента аргентинской газеты «Критика» г-на Эрнандеса: Как оценивает г-н Лозовский новое заявление в речи Гитлера 3-го октября об условиях, выдвинутых г. В. М. Молотовым во время берлинских переговоров в ноябре прошлого года.

По поводу этих новых заявлений Гитлера я должен прежде всего сказать, что это повторение вранья, которым Гитлер и Риббентроп занялись с первого дня нападения на СССР, чтобы сбить с толку германский народ и общественное мнение других стран и попытаться отравить взаимоотношения СССР с его соседями.

Гитлер старается по радио перекричать всех, утверждая, что т. Молотов поставил в Берлине четыре вопроса: 1) ликвидация Финляндии, 2) действуют ли германские гарантии Румынии также и против СССР, 3) русские гарантируют Болгарии, 4) чуть ли не захват Дарданелл.

Факты разоблачают Гитлера по всем этим пунктам.

1. В берлинских переговорах никакой речи о ликвидации Финляндии не было и не могло быть. Гитлер лжет, заявляя это, чтобы скрыть правду. Правда же заключается в том, что т. Молотов настаивал на выводе германских войск из Финляндии, так как советское правительство тогда видело, что Гитлер навязал свои воиска Финляндии для того, чтобы заставить Финляндию выступить на стороне Германии против СССР. Факты подтвердили эту оценку положения. Гитлеру с помощью своих войск в Финляндии действительно удалось оттолкнуть Финляндию в войну против СССР, несмотря на то, что отношения между СССР и Финляндией все улучшались. Попав же в лапы гитлеровцев и втянувшись в разбойничью войну германских фашистов против СССР, Финляндия стала слепым орудием этих захватчиков, вопреки своим национальным интересам, которым Советский Союз ни в чем не угрожал. Ясно, что Гитлер лжет, как профессиональный обманщик, когда для отвода глаз говорит, что т. Молотов предлагал «ликвидировать» Финляндию.

2. О германских гарантиях Румынии Гитлер также лжет, как отпетая бестия. Нарушая советско-германский договор 1939 года, Гитлер не только не консультировался с правительством СССР по вопросу о даче так называемых «гарантий» соседней нам стране — Румынии, но пошел еще дальше, фактически оккупировал Румынию своими войсками под предлогом этих «гарантий». Советское правительство не могло не видеть, что с этой стороны Гитлер подвинул свои воиска к границам СССР, превращая территорию Румынии в плацдарм для дальнейшего нападения на СССР. Понятно, что советское правительство не могло не обратить внимания на это явное нарушение договора и для разоблачения пущенной гитлеровцами лжи в иностранной печати опубликовало еще 16 октября прошлого года официальное заявление, что советское правительство не заслужено всеобщее презрение.

было информировано о целях и количестве германских войск, посланных в Румынию. И после всего этого Гитлер продолжает врать о гарантиях Румынии, как будто ложь может победить правду. Нет, правда восторжествует, а лжецы будут помянуты.

3. О русских гарантиях в Болгарии опять же лжет Гитлер. Конечно, после того, как Гитлер вместе с Муссолини оккупировал своими войсками Уманию и еще до этого захватил болонскую часть Кирены, нависла угроза черного фашистского господства над всеми балканскими странами, в том числе над Болгарией, в которой наш народ питает глубочайшее чувство. Поэтому советское правительство сделало попытку противиться помощи Болгарии и предложить свои гарантии, как поддержку самостоятельности Болгарии, в которую уже проникли своими хищными лапами немецко-фашистский зверь. Советское правительство командировало с этой целью своего представителя т. Соболева в Болгарию и честно сделало болгарскому правительству это предложение. Болгарское правительство к этому времени оказалось уже под таким сильным давлением гитлеровской Германии, что не приняло нашего предложения, хотя еще осенью 1939 года оно соглашалось с необходимостью тесного договора с СССР о взаимопомощи.

Из всего этого видно, как заврался «фюрер», которому, впрочем, уже и без того почти никто не верит.

4. Чтобы как-то отвлечь внимание от своих разбойничьих захватов, Гитлер и Советский Союз готовил чуть ли не захват Черноморских проливов.

Эта ложь полностью и неоднократно опровергнута советским правительством. От повторения лжи, никогда не станет правдой, поэтому потуги Гитлера идут никуда.

С другой стороны, известно, что, когда в марте 1941 года Советский Союз заявил Турции, что в случае какого-либо нападения на нее, Турция, в соответствии с советско-турецким пактом о взаимопомощи, может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет СССР, Гитлер открыто выразил свое неудовольствие этим. И после всего этого заврался себя за защитника Турции от СССР, который находится в дружественных отношениях с Турцией со дня ее национального возрождения.

Таким образом, новое заявление Гитлера о берлинских переговорах, как и предыдущие его заявления, является грубой фальсификацией фашистского злободневия. Если бы в словах Гитлера была доля правды, то как можно было бы обвинить опубликование о берлинских переговорах в ноябре прошлого года, в котором было сказано: «Обмен мнений между СССР и Турцией, в атмосфере взаимного доверия и установив взаимное понимание по всем наболевшим вопросам, интересующим СССР и Германию».

Таковы факты, против которых не устоит самая квалифицированная ложь банкрота Гитлера. Эти факты станут всеобщим достоянием, а лжецы получат заслуженно всеобщее презрение.

ПЕСНЯ О БЕЗЫМЕННОМ ГЕРОЕ

Выходят фашисты в атаку на пуши, Рожь топчут и мнут сапоги, Пьют теплую водку — для храбрости пущей — Из фляг перегретых враги. У каждого череп на черной петлице, Дамит папироска в зубах. Но наш минометчик врагов не страшится, За камнями жмет их в кустах. Шли строем фашисты — за ротою рта, Стонала земля от шагов. Расстреливал метко боем минометом Дивизию «Мертвых голов». Он стойко держался, он храбро сражался, Один, выбиваясь из сил, Из дальней лощинки, ползком по тропинке, Сам мины себе подносил. Его окружили, и он молчаливо Процался с родимой землей,

Смотря, как дымит подожженная нива Над северной русской рекой. Последнюю мину ударом о камень Взорвал он в кустах у реки, Мста гадам заклятым, своими руками Он их растерзал на клочки. Есть камень на месте кровавого боя С дивизией «Мертвых голов», Там в кучу смешались останки героя С костями и кровью врагов. Погиб минометчик, и мы не узнаем Ни имени ни лица, То место на карте флажком отмечаем, Где пролила кровь храбрца. И если, товарищ, цветущей поляной У серого камня пройдемся, Ты вспомни, как дрался герой Безымянный. За эту неснятую рожь. Действующая армия.

Вечер в Политехническом музее — писатели — фронту. Выступает В. Катаев. Фото И. Дорослова.

Апология подлости

В «Великом курфюрсте» — пьесе Ганса Реберга, одного из корифеев фашистской драматургии, взрыв восторга вызывает у публики короткий диалог:

Великий курфюрст (сыну Фридриху): Если уж ты подлец, то будь подлецом пламенным. Будь подлецом до глубины души, подлецом до конца. Научись блестяще владеть языком своего времени, так, чтобы мир, ослепленный твоими словами, не заметил твоего мошенничества. Ну как, Фридрих, тебе это по силам?

Фридрих: Да, господин отец, у меня это получится.

Реплики эти представляют собой очень неплохую «художественную» иллюстрацию к классическому изречению «фюрера» по поводу того, что умелой агитацией и пребывание в аду можно выдать за райское блаженство.

Подобная апология подлости всего характерней для современной фашистской литературы. В Германии рекламируется роман Теа фон Гарбо «Адриан Дрост и его земля». Издательство Ульштейн включило в свою серию «популярных романов» это безудержное, беззастенчивое восхваление грабежа и разбоя. Мораль книги — нацистская мораль! — изложена устами главного героя — Адриана Дроста, хищника и пирата, наградившего в Америке миллионы, затем присвоившего себе обширную территорию в Африке и обратившего население в рабство. Дрост говорит: «Дело не терпело отлагательства, и я не мог быть чересчур щепетильным в выборе средств». Его собеседник возражает: «Когда есть выбор между неприятными и не вполне неприятными средствами, то...» Но Адриан Дрост не дает ему закончить: «Речь идет о выборе другого рода. Существуют средства, из которых одни дают сомнительные результаты, а другие — бесспорные. Первые из этих средств моральные, другие — все наоборот. Я выбираю вторые».

Препарированная по-фашистски беллетристика — это чистая идеология нацизма в литературной оболочке. Один из персонажей небезвестного Ганса Иоста, автора печально-классической формулы о культуре и браунстве, говорит: «Каждая мысль, доведенная до конца, означает «стрелья». Если эта фраза имеет смысл, то только один: стрелять, убивать, умерщвлять во имя утверждения власти расы господ».

Впрочем, фашистская литература не только призывает к убийству. Обращаясь к германской молодежи, она гонит ее на смерть: «Вы рождены для того, чтобы добиться высшей чести — умереть на

И. КРЮИТ

НОРВЕЖЦЫ ЗАЩИЩАЮТ СВОЮ КУЛЬТУРУ

Фашизм располагает разнообразными методами установления так называемого «нового порядка» в новой Европе. В Австрии и Силезии области это было сделано просто — при помощи аннексии. В остальных частях Чехословакии путем «протектората», а заменой старой власти немецко-фашистской.

Иначе действует Гитлер в Норвегии, Голландии и Дании. Там он пытается формировать «национальные правительства». В Норвегии — это во главе с Квислингом, в Голландии во главе с Муссертом.

Однако Гитлеру не везет с «национальными правительствами». Они настолько ненавистны народу, что каждый раз для власти их от народной мести приходится призывать германских солдат и штурмовиков. Таким образом, фактически власть в этих странах одиознейшей империи комиссаров! В Голландии Зейс-Инкварт, в Норвегии Тервебен, в Бельгии генерал фон-Фалькенхаузен и их военные трибуналы.

И все же германский фашизм бесенен против дружного народного сопротивления. Лучшее доказательство тому — недавние события в Норвегии.

Рабочие, служащие и крестьяне Норвегии не позволяют себя «унифицировать» и отказываются участвовать в марionетном парламенте, так называемом «национальном совете». Так, например, в Бергене и Тронхейме были рассланы личные вызовы 3500 государственным служащим. Откликнулись только 25, остальные 3475 коллективно заявили, что желают выполнять работу по долгу службы, не вступая в национальный совет.

В Тронхейме 600 рабочих одного крупного предприятия были приглашены на собрание, где должен был выступить член национального совета. Пришло только 29 человек. На город был наложен денежный штраф, но оппозиционные настроения от этого не изменились.

Норвежские крестьяне также оказывают ожесточенное и к тому же хорошо организованное сопротивление.

Крестьянская федерация охватывает 60000 членов. Когда недавно от нее потребовали более тесного сотрудничества с национальным советом, она отказалась под давлением большинства голосов. Тогда же были уволены оба вице-председателя и заменены «надежными» людьми. Однако председатель федерации Мельбю повел борьбу против навязанного ему исполнительного комитета. Он настаивал на отозвании новых вице-председателей. В ответ на это германские власти и нацио-

нальный совет потребовали, чтобы Мельбю отказался от поста председателя. Он заявил готовность сделать это при условии, что ему позволят высказаться по радио перед крестьянами. В этом ему было отказано, а так как он не уходил добровольно, его арестовали. Так же поступили с секретарем Федерации Дитрихсоном.

Не может хвастать успехами и имперский комиссар Тервебен. Объявленное в Норвегии осадное положение уже имело следствием массовые демонстрации со стороны всех слоев населения.

Немедленно после оккупации в Норвегии было запрещено издание и распространение литературы, приходящейся не по вкусу наци. Но норвежцы не стали жалеть, чтобы немцы наложили запрет и уничтожили их книги. Они во-время взяли их из общественных библиотек и скрыли от бандитов Тервебена — Квислинга. Теперь эти книги тайно ходят по рукам и читаются усерднее, чем когда бы то ни было.

К запрещенным книгам относятся даже книги, хорошо известные в Советском Союзе — автора замечательного романа «Крутин» дочь Лавранса».

В течение последних месяцев были заключены в концентрационные лагеря много выдающихся представителей норвежской культуры. В виде протеста возникли повторные забастовки школьных учителей и студентов. Организована немцами выставка гитлеровской молодежи в Осло кончилась для фашистских оккупантов недвусмысленным фиаско. Хотя директор учебных заведений получил предписание посетить выставку вместе со своими учениками, однако побоялся на ней лишь немногие сторонники Квислинга.

Одним из интереснейших примеров пассивного сопротивления является массовый бойкот нацистских фильмов. Разумеется, в норвежских кинотеатрах демонстрируются исключительно фильмы, изготовленные в Германии и прославляющие Третью империю и ее «достижения». Поэтому обычный состав зрителей — квислинговцы и немецкие солдаты. Если же случайно присутствуют норвежцы, пока каждого фильма сопровождается свистками и антифашистскими возгласами.

Гитлеровские писатели имеют тем больше основания славословить своего обаянноподобного шефа, что именно он «отменил» критику, освободив всю эту компанию гешфтмахов от литературы от неприятных «вылазок критиканов». Еще несколько лет назад Геббельс, о санкине «фюрера», объявил всякую критику марксистско-еврейской выдумкой. «Мы пытались, — говорит Геббельс, — вернуть критику на путь положительной оценки искусства (то-есть хвалебной по адресу всей этой бездарной стражи), но все наши попытки оказались безрезультатными. Наконец, наступил момент, когда мы оказались вынужденными докончить с этим нетерпимым положением вещей и решительно, без колебаний запретить ненужную и разлагающую критику во всех видах искусства и литературы, заменив ее подробным описанием художественного произведения».

В первые месяцы пребывания гитлеровцев у власти немецкий философ Ганс Менцель высказал на страницах журнала «Кантштудии» надежду, что для классической немецкой философии и литературы будет отведено «какое-то место» в новой истории германской культуры. Он писал: «Надо надеяться, что немецкий народ откажется вычеркнуть лучшие времена своей духовной культуры, что своим судом он предпочтет избрать Гете, а не белокурого зверя Шпенглера».

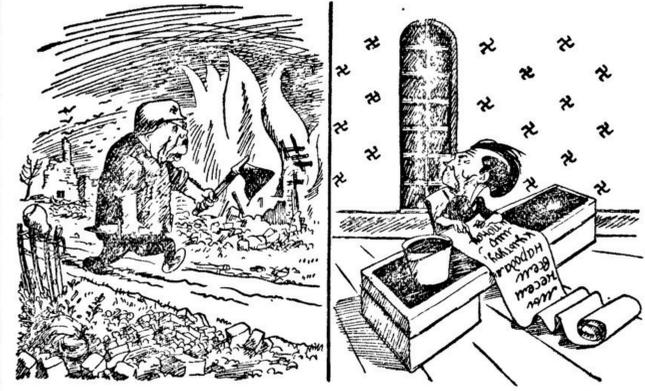
Надежда почтенного кантшанца, конечно, осуществилась. Гете, а не Шпенглер, Манн, а не Эверсы и Иосты, будут определять духовную культуру германского народа. Но это произойдет лишь тогда, когда в огне и буре рухнет трижды проклятый фашизм.

В этой войне влиятельные круги фашизма — германские и итальянские фашисты не щадили своих сил для истребления великой культуры Испании. Бомбами с фашистских самолетов уничтожались лучшие памятники испанской архитектуры, скульптуры и живописи.

Когда весной 1939 г. обесчеленная Испанская республика пала под ударами итало-германского фашизма, в стране начался разгул жесточайшей реакции.

Фашистские палачи, руководимые «культуртрегерами» из Берлина и Рима, приступили к тщательному вытравливанию испанской культуры. Главным своим врагом в этой области они считают идею «справедливости, непрерывности и революционности испанской культуры», носительницей которой является передовая интеллигенция. Если в дни войны испанские фашисты начали свои кровавые подвиги с убийства народного поэта Испании Федерико Гарсиа Лорка, то сейчас они могут присоединить к своему черному списку сотни имен лучших представителей испанского искусства и науки. Германский фашизм оказывает в этом отношении самую деятельную поддержку испанским палачам, вдыхая им на все новые и новые подвиги. Так, захватив летом 1940 г. Францию, германские оккупационные власти заключили с испанским правительством соглашение, в силу которого они выдали Франко ряд крупных политических деятелей республиканской Испании, нашедших убежище в Париже. Большинство из них (Компанис, Суагасто и др.) было расстреляно военным трибуналом.

Но испанские фашисты борются не только с прогрессивной интеллигенцией. Они борются со всем культурным наследием страны, с книгами, картинами, статуями, с любым проявлением научной мысли. Еще находясь в Бургосе, испанские власти составили так называемый «запретительный список» книг. В него вошли не только все замечательнейшие произведения испанской классической и современной литературы и науки («Селестина» Рохаса, Ларра, Гальдос, Уламано, Валье-Инклан, Антонио Мачадо, Ибабьес), но и Вольтер, Гете, Горький, Диккенс, Флобер, Толстой, Достоевский, Анатоль Франс, Виктор Гюго, Ибсен, Карл Лемль. Нечего говорить о том, как расправилась фалангистка с передовой испанской литературой наших дней и с произведениями советских писателей. Книжки, изъятые в огромном количестве из испанских библиотек, отправляются на бумаж-

Что написано топором

...того не вырубшь пером.

Рисунок М. Федорова

Ф. КЕЛЬИН

В фашистской Испании

В мировой печати появляется все больше и больше сведений о подготовляемом фашистскими людоедами и испанской реакцией нападении на Гибралтар, о предстоящем вторжении в Португалию. Если попытки Франко создать боспособную «стоубую дивизию» для отправки ее на восточный фронт окончатся крахом, то сам по себе факт этот ясно говорит о том, в каком направлении будет развиваться политика мадридских заправил. Для всех, знакомых с историей испанской войны 1936—1939 гг., в этом нет ничего удивительного. Мятаж, поднятый ипоанскими генералами 18 июля 1936 г., был тщательным подготовлен в Риме и Берлине. Своими неисчислимыми бедствиями испанский народ полностью обязан кровавым фашистским людоедам — Гитлеру и Муссолини.

Война 1936—1939 гг. не только была начата по прямому наущению берлинских и римских фашистов, жадно танувшихся к природным богатствам Испании. Война эта велась ими.

В этой войне влиятельные круги фашизма — германские и итальянские фашисты не щадили своих сил для истребления великой культуры Испании. Бомбами с фашистских самолетов уничтожались лучшие памятники испанской архитектуры, скульптуры и живописи.

Когда весной 1939 г. обесчеленная Испанская республика пала под ударами итало-германского фашизма, в стране начался разгул жесточайшей реакции.

Фашистские палачи, руководимые «культуртрегерами» из Берлина и Рима, приступили к тщательному вытравливанию испанской культуры. Главным своим врагом в этой области они считают идею «справедливости, непрерывности и революционности испанской культуры», носительницей которой является передовая интеллигенция. Если в дни войны испанские фашисты начали свои кровавые подвиги с убийства народного поэта Испании Федерико Гарсиа Лорка, то сейчас они могут присоединить к своему черному списку сотни имен лучших представителей испанского искусства и науки. Германский фашизм оказывает в этом отношении самую деятельную поддержку испанским палачам, вдыхая им на все новые и новые подвиги. Так, захватив летом 1940 г. Францию, германские оккупационные власти заключили с испанским правительством соглашение, в силу которого они выдали Франко ряд крупных политических деятелей республиканской Испании, нашедших убежище в Париже. Большинство из них (Компанис, Суагасто и др.) было расстреляно военным трибуналом.

Но испанские фашисты борются не только с прогрессивной интеллигенцией. Они борются со всем культурным наследием страны, с книгами, картинами, статуями, с любым проявлением научной мысли. Еще находясь в Бургосе, испанские власти составили так называемый «запретительный список» книг. В него вошли не только все замечательнейшие произведения испанской классической и современной литературы и науки («Селестина» Рохаса, Ларра, Гальдос, Уламано, Валье-Инклан, Антонио Мачадо, Ибабьес), но и Вольтер, Гете, Горький, Диккенс, Флобер, Толстой, Достоевский, Анатоль Франс, Виктор Гюго, Ибсен, Карл Лемль. Нечего говорить о том, как расправилась фалангистка с передовой испанской литературой наших дней и с произведениями советских писателей. Книжки, изъятые в огромном количестве из испанских библиотек, отправляются на бумаж-

В свою очередь, германские фашисты, завладевшие главными экономическими ресурсами страны, наводняют ее своими профессором, лекторами, книжками, театральными труппами, оркестрами и т. п., стремясь ослабить результат итальянской пропаганды.

Но кровавым людоедам из Берлина и Рима и их жалким прихвостлям в Испании и Латинской Америке не удастся сломить живые силы испанского народа. На их смехотворный призыв создать корпус волонтеров для борьбы с Советским Союзом (так называемую «голубую дивизию») испанские трудящиеся ответят усилением партизанской войны в горах Астурии, на центральном плоскогорье Кастилии, в равнинах Андалузии. Они твердо знают, что та смертельная битва, которую ведет сейчас великий Советский Союз, поддерживаемый Англией и Соединенными Штатами, со временем врагом человечества — германским фашизмом, это битва и за освобождение свободной испанской культуры и ее кровавым испанским лакеем.

Великий и многострадальный испанский народ дожидается своего освобождения. Враг будет разбит. Испания будет свободной.

Расправившись с представителями передовой интеллигенции, уничтожив книги, картины, статуи, испанские правители приступили к разгрому испанской школы. Они подчинили ее власти духовенства. В результате почти поголовного истребления испанских профессоров, учителей и студентов и введения запретительного списка для учащихся они добились полной ликвидации школ в Испании. Страна погружена в мрак средневекового невежества. Города наводнены массами безпризорных детей. Народ изучает нишество, голодом, безграмотней. Наука и искусство прекратили свое существование, и это несмотря на то, что путем подкупа и обмана испанским фашистам удалось привлечь на свою сторону некоторых из представителей прославленного «поколения 1898 года» (т. е. наиболее старое в возрастном отношении слоя испанской интеллигенции).

Такое положение в самой Испании. Еще хуже обстоит дело в Каталонии, в Галисии, в Бискайе. Здесь преследуются даже всякий намек на существование национальной культуры, самостоятельного языка или наречия.

Старательно вытравляя отечественную культуру, испанские фашисты стремятся поставить на ее место «культуру» своих кровавых хозяев. Не в Мадриде, а в Риме выходит крупнейший орган испанской реакции — журнал «Империум», редактором которого является итальянский фашист Инно Сервенти. В Риме инструктируются так называемые «национальные делегаты фаланги за границей», вроде Рафаэля Санчес Масас. В Мадриде открылся специальный институт итальянской культуры, рассчитанный на пятсот студентов. Институт имеет свои отделения в семидеяти испанских городах. Любопытно, что среди этих городов значится Телува в Марокко, и этот факт с головой выдает итальянских фашистов, путем создания своих национальных центров пытающихся захватить подступы к Атлантическому океану. Организаторами института являются клеветы Муссолини — Федерцони и Баталья.

В свою очередь, германские фашисты, завладевшие главными экономическими ресурсами страны, наводняют ее своими профессором, лекторами, книжками, театральными труппами, оркестрами и т. п., стремясь ослабить результат итальянской пропаганды.

Но кровавым людоедам из Берлина и Рима и их жалким прихвостлям в Испании и Латинской Америке не удастся сломить живые силы испанского народа. На их смехотворный призыв создать корпус волонтеров для борьбы с Советским Союзом (так называемую «голубую дивизию») испанские трудящиеся ответят усилением партизанской войны в горах Астурии, на центральном плоскогорье Кастилии, в равнинах Андалузии. Они твердо знают, что та смертельная битва, которую ведет сейчас великий Советский Союз, поддерживаемый Англией и Соединенными Штатами, со временем врагом человечества — германским фашизмом, это битва и за освобождение свободной испанской культуры и ее кровавым испанским лакеем.

Великий и многострадальный испанский народ дожидается своего освобождения. Враг будет разбит. Испания будет свободной.

В свою очередь, германские фашисты, завладевшие главными экономическими ресурсами страны, наводняют ее своими профессором, лекторами, книжками, театральными труппами, оркестрами и т. п., стремясь ослабить результат итальянской пропаганды.

Но кровавым людоедам из Берлина и Рима и их жалким прихвостлям в Испании и Латинской Америке не удастся сломить живые силы испанского народа. На их смехотворный призыв создать корпус волонтеров для борьбы с Советским Союзом (так называемую «голубую дивизию») испанские трудящиеся ответят усилением партизанской войны в горах Астурии, на центральном плоскогорье Кастилии, в равнинах Андалузии. Они твердо знают, что та смертельная битва, которую ведет сейчас великий Советский Союз, поддерживаемый Англией и Соединенными Штатами, со временем врагом человечества — германским фашизмом, это битва и за освобождение свободной испанской культуры и ее кровавым испанским лакеем.

Великий и многострадальный испанский народ дожидается своего освобождения. Враг будет разбит. Испания будет свободной.

Великий и многострадальный испанский народ дожидается своего освобождения. Враг будет разбит. Испания будет свободной.

„Мы не теряем бодрости“

В Англии и Америке вышло много книг, рисующих жизнь Лондона в суровые дни борьбы с воздушными налетами гитлеровских стервятников. Большинство этих книг — репортаж, очерки и впечатления корреспондентов английских и американских газет или известных английских писателей.

Одно из наиболее интересных произведений этого типа — книга видного английского журналиста Холсона «Во мраке ночи». Автор собирал материал для своих боювых зарисовок в течение многих ночей, проведенных в районах Лондона, подвергавшихся наиболее ожесточенной бомбардировке. Во время воздушных тревог Холсон бывал и в бомбоубежищах центральной части Лондона, и в туннелях метро, и на крышах домов, участвуя в борьбе с зажигательными бомбами. По его собственным словам, он прониравливал свыше ста человек самых различных профессий и положений, в большинстве случаев рядовых лондонцев, оказавшихся его соседями и собеседниками в эти страшные ночи. Особенный интерес представляют записи бесед Холсона с пожарниками, тушившими пожары в рабочих кварталах английской столицы, больше всего пострадавших от бомбардировки, с бойцами зенитных батарей и с дружинами добровольцами, принимавшими энергичное участие в противовоздушной обороне Лондона. «Ни у кого из них, — говорит Холсон, — я не заметил и тени уныния, отчаяния, безнадёжности. Они полны мужества, бодрости и веры в окончательную победу над нацистскими хищниками. И чем ожесточеннее, чем яростнее становились германские бомбардировки, тем дружнее и увереннее действовали защитники Лондона».

Те же настроения отражает и книга известной английской писательницы Веры Бриттен «Час Англия». Бриттен сумела воссоздать в своей книге незабываемую картину жизни английского народа в тяжёлые дни борьбы с фашистскими разбойниками. День за днем описывает она жизнь английской столицы: первые дни германских воздушных налетов, пожары и разрушения, причиненные фашистскими бомбами, сотни человеческих жертв, дымящиеся развалины рабочих кварталов. Страх перед воздушными налетами был настолько перешел в ненависть к гитлеровским убийцам, растерянность сменилась спокойствием, крепнет мужество и готовность к защите. Лондонцы начинают все энергичнее защищаться от зажигательных бомб, бороться с диверсантами и ланкеерами. Автор рассказывает о детях, «на лицах которых уже не видно слез», о матерях и женах, вместе со своими мужь-

ями и сыновьями принимающих участие в великой борьбе, о людях, умирающих со словами веры в победу над фашистским зверем. «Мы спокойны мы не теряем бодрости, мы знаем, что в конце концов победим», — таков основной лейтмотив книги.

Среди американских книг этого типа выделяется репортаж Квентина Рупольда «Летевшие не спешат». Автор книги — военный корреспондент журнала «Колдер», в мае 1940 г. он прибыл в Париж, побывав на фронте, был свидетелем поражения французской армии, участвовал в «великом исходе из Парижа». Он рассказывает о неумении и неспособности французского командования организовать оборону, о предательстве ряда высших военных чинов, бросавших войска, в то время как французские солдаты продолжали героически защищаться от наступающих фашистских полчищ, о неадекватности к врагу, которая продолжает жить в сердцах французского народа, порабощенного гитлеровскими бандитами и их лакеями из Виши.

Военному разгрому Франции посвящены лишь первые главы книги. Остальное — рассказ об Англии, о ее береговой и противовоздушной обороне, о боевых действиях английской авиации, отражающей налеты германских бомбардировщиков, о Лондоне в период бомбардировок, о мужестве английского народа, обронуящегося от нападения гитлеровских бандитов.

«Никакие бомбы не могут сломить дух народа, поднявшегося на защиту своей родины и свободы», — пишет Рейнолдс, — любовь к родине и неистребимая ненависть к врагу — вот что цементуют этот дух в сердцах английского народа. Ни один человек из тех, с кем я встретился и беседовал в эти кошмарные ночи, когда над городом шли воздушные бомбы и большие дома разваливались от взрывов дуганых бомб, не проявил страха, того страха, на котором так рассчитывают германские фашисты, истребляющие мирное население. Вместо страха я видел ненависть, желание отомстить врагу, волю к победе. Мирные жители Лондона оказались превосходными солдатами. И я твердо и решительно считаю, что Лондон, несмотря на все разрушения, причиненные нацистскими убийцами, держится и будет держаться до полной победы над фашизмом. Лондонцы много страдали, и быть может, завтра будут страдать еще больше, но они никогда не пойдут на компромиссы и соглашения с врагом. Никто в Лондоне не пугается и не стонет. Даже раненые. Даже раненые не стонут».

Еще задолго до прихода фашистских войск на Балканы сказались губительные для румынского народа и его культуры последствия проникновения гитлеровцев в Румынию. Гитлеровские агенты стремились прибрать к рукам не только природные богатства страны. Начиная с 1934 г., на румынскую интеллигенцию обрушился поток всевозможных изданий, пропагандирующих «идеи» господ Розенберга и Геббельса в области литературы и искусства.

Чернокопая молодежь под руководством немцев, проживавших в Бухаресте в качестве руководителей всевозможных «культурных» румыно-германских организаций, начала практически готовить новый «цикл жизни».

Книги «неблагонадежных авторов» сжигались по немецкому образцу на площадях. Появились «литературно-критические» статьи, заканчивавшиеся примерно в таком духе: «Своими произведениями Тудор Аргеа (крупнейший румынский поэт — И. К.) вполне заслужил, чтобы его публично вывели на площадь».

Один из гитлеровских агентов сделал даже великое «открытие» — оказывается, что в давние времена нынешнее румынское слово «ученик» означало «развращенный» человек.

Возглавляемая поэтом Дан Ботта группа молодых литераторов, записавшая в штурмовые отряды, тесно пыталась в своем «творчестве» занять новые позиции отчаянного оптимизма и безразудного действия, ибо по мнению одного из руководителей этих «интеллигентов»: «Мысль — это отравля и препятствие для всякого решения».

Но попытка искоренения мысли привела к уничтожению самой литературы. Дан Ботта, Карянопоп, Раду Жир перестали существовать как поэты и писатели.

Примечательен творческий путь Мирча Элиаде, главы фашистского писательского поколения.

Первая книга Элиаде называется «Угасающий свет». Это бесжизненная, бледная история двух молодых людей, которые так сами себя характеризуют: «Я ни во что не верю, — говорит Ма-

Самой о собой разумеется, что после всех этих «героических» подвигов Викторю Муссолини был награжден пашаей медалью за военные заслуги.

Книжонка его была единодушно одобрена всей фашистской прессой. Кто же в этом мог сомневаться? Ведь на то и существует книга грязных подонков общества, которые именуются в Италии журналистами.

Когда Муссолини впоследствии решил отравить своего сыночка в Соединенные Штаты, его там приняла не слишком любезно.

Поджигателя и убийцу, мнящего себя литератором, отказались принять в литературных кругах. Он пожелал посетить Голливуд (Викторю Муссолини является крупным акционером общества, имеющего монополию в итальянской кинематографии). Артисты, режиссеры, сценаристы и весь персонал студий заявили, что обаять забастовку, если он посмеет показаться в Голливуде. Теперь Викторю Муссолини перестал писать, перестал изображать и «героя». Ему угрожает опасность не только быть собитым английскими летчиками, но и своими итальянскими.

Его брат Бруно, тоже летчик, погиб; смерть его окружена тайной. Умер он не на фронте, а в Италии...

Молодой бандит Викторю выбыл из строя. Он где-то «копался» и сидит, как его отец, в бронированном автомобиле... опасаясь вступком бурного выражения народного восторга.

В наследство от него осталась безобразная, личинная книга, единственное достоинство которой в том, что она дает представление о литературе страны, добровольно превратившейся в колонию Гитлера.

Среди американских книг этого типа выделяется репортаж Квентина Рупольда «Летевшие не спешат». Автор книги — военный корреспондент журнала «Колдер», в мае 1940 г. он прибыл в Париж, побывав на фронте, был свидетелем поражения французской армии, участвовал в «великом исходе из Парижа». Он рассказывает о неумении и неспособности французского командования организовать оборону, о предательстве ряда высших военных чинов, бросавших войска, в то время как французские солдаты продолжали героически защищаться от наступающих фашистских полчищ, о неадекватности к врагу, которая продолжает жить в сердцах французского народа, порабощенного гитлеровскими бандитами и их лакеями из Виши.

Военному разгрому Франции посвящены лишь первые главы книги. Остальное — рассказ об Англии, о ее береговой и противовоздушной обороне, о боевых действиях английской авиации, отражающей налеты германских бомбардировщиков, о Лондоне в период бомбардировок, о мужестве английского народа, обронуящегося от нападения гитлеровских бандитов.

«Никакие бомбы не могут сломить дух народа, поднявшегося на защиту своей родины и свободы», — пишет Рейнолдс, — любовь к родине и неистребимая ненависть к врагу — вот что цементуют этот дух в сердцах английского народа. Ни один человек из тех, с кем я встретился и беседовал в эти кошмарные ночи, когда над городом шли воздушные бомбы и большие дома разваливались от взрывов дуганых бомб, не проявил страха, того страха, на котором так рассчитывают германские фашисты, истребляющие мирное население. Вместо страха я видел ненависть, желание отомстить врагу, волю к победе. Мирные жители Лондона оказались превосходными солдатами. И я твердо и решительно считаю, что Лондон, несмотря на все разрушения, причиненные нацистскими убийцами, держится и будет держаться до полной победы над фашизмом. Лондонцы много страдали, и быть может, завтра будут страдать еще больше, но они никогда не пойдут на компромиссы и соглашения с врагом. Никто в Лондоне не пугается и не стонет. Даже раненые. Даже раненые не стонут».

Еще задолго до прихода фашистских войск на Балканы сказались губительные для румынского народа и его культуры последствия проникновения гитлеровцев в Румынию. Гитлеровские агенты стремились прибрать к рукам не только природные богатства страны. Начиная с 1934 г., на румынскую интеллигенцию обрушился поток всевозможных изданий, пропагандирующих «идеи» господ Розенберга и Геббельса в области литературы и искусства.

Чернокопая молодежь под руководством немцев, проживавших в Бухаресте в качестве руководителей всевозможных «культурных» румыно-германских организаций, начала практически готовить новый «цикл жизни».

Книги «неблагонадежных авторов» сжигались по немецкому образцу на площадях. Появились «литературно-критические» статьи, заканчивавшиеся примерно в таком духе: «Своими произведениями Тудор Аргеа (крупнейший румынский поэт — И. К.) вполне заслужил, чтобы его публично вывели на площадь».

Один из гитлеровских агентов сделал даже великое «открытие» — оказывается, что в давние времена нынешнее румынское слово «ученик» означало «развращенный» человек.

Возглавляемая поэтом Дан Ботта группа молодых литераторов, записавшая в штурмовые отряды, тесно пыталась в своем «творчестве» занять новые позиции отчаянного оптимизма и безразудного действия, ибо по мнению одного из руководителей этих «интеллигентов»: «Мысль — это отравля и препятствие для всякого решения».

Но попытка искоренения мысли привела к уничтожению самой литературы. Дан Ботта, Карянопоп, Раду Жир перестали существовать как поэты и писатели.

Примечательен творческий путь Мирча Элиаде, главы фашистского писательского поколения.

Первая книга Элиаде называется «Угасающий свет». Это бесжизненная, бледная история двух молодых людей, которые так сами себя характеризуют: «Я ни во что не верю, — говорит Ма-

Самой о собой разумеется, что после всех этих «героических» подвигов Викторю Муссолини был награжден пашаей медалью за военные заслуги.

Книжонка его была единодушно одобрена всей фашистской прессой. Кто же в этом мог сомневаться? Ведь на то и существует книга грязных подонков общества, которые именуются в Италии журналистами.

Когда Муссолини впоследствии решил отравить своего сыночка в Соединенные Штаты, его там приняла не слишком любезно.

Поджигателя и убийцу, мнящего себя литератором, отказались принять в литературных кругах. Он пожелал посетить Голливуд (Викторю Муссолини является крупным акционером общества, имеющего монополию в итальянской кинематографии). Артисты, режиссеры, сценаристы и весь персонал студий заявили, что обаять забастовку, если он посмеет показаться в Голливуде. Теперь Викторю Муссолини перестал писать, перестал изображать и «героя». Ему угрожает опасность не только быть собитым английскими летчиками, но и своими итальянскими.

Его брат Бруно, тоже летчик, погиб; смерть его окружена тайной. Умер он не на фронте, а в Италии...

Молодой бандит Викторю выбыл из строя. Он где-то «копался» и сидит, как его отец, в бронированном автомобиле... опасаясь вступком бурного выражения народного восторга.

В наследство от него осталась безобразная, личинная книга, единственное достоинство которой в том, что она дает представление о литературе страны, добровольно превратившейся в колонию Гитлера.

Среди американских книг этого типа выделяется репортаж Квентина Рупольда «Летевшие не спешат». Автор книги — военный корреспондент журнала «Колдер», в мае 1940 г. он прибыл в Париж, побывав на фронте, был свидетелем поражения французской армии, участвовал в «великом исходе из Парижа». Он рассказывает о неумении и неспособности французского командования организовать оборону, о предательстве ряда высших военных чинов, бросавших войска, в то время как французские солдаты продолжали героически защищаться от наступающих фашистских полчищ, о неадекватности к врагу, которая продолжает жить в сердцах французского народа, порабощенного гитлеровскими бандитами и их лакеями из Виши.

Военному разгрому Франции посвящены лишь первые главы книги. Остальное — рассказ об Англии, о ее береговой и противовоздушной обороне, о боевых действиях английской авиации, отражающей налеты германских бомбардировщиков, о Лондоне в период бомбардировок, о мужестве английского народа, обронуящегося от нападения гитлеровских бандитов.

«Никакие бомбы не могут сломить дух народа, поднявшегося на защиту своей родины и свободы», — пишет Рейнолдс, — любовь к родине и неистребимая ненависть к врагу — вот что цементуют этот дух в сердцах английского народа. Ни один человек из тех, с кем я встретился и беседовал в эти кошмарные ночи, когда над городом шли воздушные бомбы и большие дома разваливались от взрывов дуганых бомб, не проявил страха, того страха, на котором так рассчитывают германские фашисты, истребляющие мирное население. Вместо страха я видел ненависть, желание отомстить врагу, волю к победе. Мирные жители Лондона оказались превосходными солдатами. И я твердо и решительно считаю, что Лондон, несмотря на все разрушения, причиненные нацистскими убийцами, держится и будет держаться до полной победы над фашизмом. Лондонцы много страдали, и быть может, завтра будут страдать еще больше, но они никогда не пойдут на компромиссы и соглашения с врагом. Н

БАЛЛАДЫ И ПЕСНИ ВЕЛИКОГО НАРОДА

Небольшая книжка С. Маршака, представляющая советскому читателю сорочье английские баллады и песни (Бернас, Вордсворта, Р. Стивенсона, Киплинг и другие), является крупным достижением в области поэзии и переводческого искусства. Она — смертный приговор ремесленническому тенденцизму, ставящему превыше всего пресловутую «точность» (всегда превратно понимаемую) и убивающим в угоду ей весь поэтический дух первоисточника произведения. Эти ремесленнические тенденции, царствовавшие в течение всей второй половины XIX века, захватили и часть советских переводчиков, а потому надо приветствовать всекое доказательство зрелости этих тенденций.

Существует на русском языке собрание стихотворений Роберта Бернаса, вышедшее в конце прошлого века. Эта книжка открывается песней о честной бедности, в которой мы имеем следующие строфы:

Бедняк, будь честен и трудись,
Трудись прежде всего!
Холод встретил — отвернись
С презрением от него!
Прежде всего, прежде всего
Пред знатым не блещи —
Ведь знатность — штемпель у гнией,
И больше ничего!
Холопа в графы провозвешь
Не стоит ничего:
Но честным сделать — царь, как есть,
Не может никого!
Прежде всего, прежде всего:
Да будут все честны:
Честь наша — высшие чины
И ум прежде всего!

Когда в юности я читал эти строки, я всегда недоумевал: почему так прославляют Бернаса в предисловии? Разве это не поэзия? Разве это поэзия? Великий английский поэт-песенник задохся в ремесленных объятиях переводчика. Ведь здесь утеряно самое главное: песенный тон. А еще старик Гербер учил нас: при переводе песни важнее всего сохранить ее тон. Лучшие меняйте слова, но не меняйте тона песни.

Может быть, для него это требует доказательства? Тогда прочтите ту же песню Бернаса в переводе С. Маршака:

Кто честной бедности своей
Стыдится и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.
При всем при том,
При всем при том
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!
Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.
При всем при том,
При всем при том
Награда, честь
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И все такое прочее!

Вот это по-настоящему! Вот это подлинное перевоплощение английской песни, то перевоплощение, которое, не теряя связи с оригиналом, становится творческой собственностью поэта-переводчика, тем самым и собственностью той литературы, представителем которой является поэт-переводчик.

Песни Роберта Бернаса (1750—1796) от С. Маршака. «Английские баллады и песни». «Советский писатель», Москва, 1941 г.

Борис ПАСТЕРНАК

ПРАВДА

Чего бы вздорного кругом
Вражда ни говорила,
Ни в чем не меряйся с врагом.
Тебе он не, меряло.
Ни с кем соперничать нет.
У нас не поединок.
Полмира застывает свет
Несметный вихрь песчинки.
Пусть тучи пылы до небес,
Ты высишься над прахом.

Вся статья твоя — противовес
Коричневым рубашкам.
Ты взял над мелкой спесью верх
С того большого часа,
Как истужанов испроверг
И вечною запасом.
Пусть славы вражья отлиты,
И медь и алюминий,
Твоей великой правоты
Нет у него в помине.

Старинная дружба

Каждый день из-за океана к нам приходят приветствия отдельных граждан и многочисленных организаций Америки.

В этих приветствиях сказывается огромное уважение к советским народам, героически защищающим себя и весь мир от фашистского гнета.

Для гитлеровской Германии наша дружба с Америкой является великим несчастьем. Поэтому немецкие газеты пытаются уверить своих темных читателей, будто симпатии, выражаемые нашей стране великой заокеанской республикой, есть лицемерная ложь, так как будто бы за всеми этими симпатиями скрывается взаимная ненависть, накопившаяся за долгие годы.

Это, конечно, клеветнический вздор, внушенный бессильем отчаяния.

Вот что писал, например, великий представитель американской демократии Уолт Уитман, обращаясь к русскому народу еще в 1881 году:

«Вы, русские, и мы, американцы, Россия и Америка, такие далекие, такие несхожие с первого взгляда! Как различные социальные и политические условия нашего быта! Какая разница в нравственном и материальном развитии за последние сто лет! И все же во многом, в самом существе, наши страны так схожи. И у нас, и у вас равнообразие племени и наречий побеждается чувством национального единства. Неоскоржимое великое сознание, что у наших племей, у каждого, есть своя историческая священная миссия, свойственная и вам и нам. Пылкая склонность к дружбе, вошедшая в национальные нравы, нигде не проявляется с такой силой, как у вас и у нас. Огромные просторы земли, широко раздвинутые границы, бесформенность и хаотичность многих явлений жизни, все еще не осуществленных до конца, являющихся по общему убеждению, залогом какого-то безграничного будущего, — вот черты, сближающие нас. Кроме того, и у вас и у нас есть свое независимое руководство положением в мире, которое и вы и мы всецело стремимся удержать и за которое в случае нужды готовы выйти в бой против всего света. Бессмертные стремления, живущие в глубине души обоих великих народов, такие страстные, такие загадочные, такие бездонные, — все это опять-таки наши общие свойства.

Так как главная идея моей книги — задушевное содружество людей, мне надлежит радоваться и ликовать, что меня услышат, что со мной вождут в эмоциональный контакт великие народы России.

Этим народам я здесь и теперь шлю сердечный привет с наших берегов от имени Америки.

Так что те горячие приветствия, которые наш народ в таком изобилии получает теперь от лучших людей Америки,

никоим образом не являются для нас неожиданностью.

Лучшие люди России, со своей стороны, еще за сто лет до Уолта Уитмана, еще в XVIII веке, приветствовали могучую демократию Штата. Еще в царствование Екатерины II русский первоополст свободы Радивев обратился к новорожденной республике со словами восхищения и любви. В 1783 году он посвящает Соединенным Штатам оду «Вольность».

О, дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О, вольность, вольность, дар
бесценный!

Позволь, чтоб раб тебя воспел...
К тебе душа моя влюблена,
К тебе, слуховая страна...

В этой оде Радивева выражается преданное молодых демократов России перед победоносной демократией Америки. Самое слово — «Америка» казалось им синонимом вольности.

В дальнейших стихах Радивев воспевает с таким же восторгом освободительную американскую армию:

Вождь тут каждый воин вретис,
Кончины славы ищет он.
О, воин непоколебимый!
Ты есть и был непобедимый.
Твой вождь — свобода, Вашингтон!

Как известно, за напечатание своей замечательной книги, где приводились, между прочим, и эти стихи, Радивев был приговорен к смертной казни. Но его восторженное отношение к Америке, как к стране свободы и братства, перешло к дальнейшим поколениям передовых русских людей — особенно после того, как в Америке создалась фаланга самоотверженных и сильных писателей, которые открыли всему миру величие американской демократии. Вся американская литература, начиная от Вашингтона Ирвинга до наших времен, есть отрицание тех идеалов и принципов, на которых зиждется антидемократическая философия нацизма. Можно представить себе, с каким гневом отвергли бы бесчеловечную теорию и практику гитлеровщины такие гуманисты Америки, как Уиттингер, Лонгфелло, Эмерсон, Торо, Льюэлл, Готори, Марк Твен, Генри Джеймс и другие, и как солидарны были бы с ними в этом праведном гневном художники слова, провозвестники человечности и всемирной счастья — Пушкин, Тургенев, Лев Толстой, Чехов.

Здесь уже давно оба наших народа достигли единого фронта, и те взаимные приветствия, которыми они обмениваются в настоящее время, в сущности есть новое свидетельство их старинной дружной близости.

Пьеса Г. Мдивани «Батальон идет на Запад» в Камерном театре. Слева — арт. С. Ценин в роли Георгия Гигагури, справа — арт. Н. Чапыгин в роли капитана Александра Гигагури. Зарисовка худ. А. Костомоловского.

БОЛГАРСКИЙ НАРОД ПРОТИВ ФАШИЗМА

Национально-освободительная эпоха, начавшаяся в 1789 г. и длившаяся вплоть до 1877 г. — даты освобождения Болгарии, — самая светлая страница в истории болгарского народа. Она характерна не только героизмом, но и обилием наплывом идей, идеалов и идеалистов, являющихся болгарский народ. С поразительной легкостью можно установить общность и сходство этих идеалов с идеалами передовой русской интеллигенции. Идеология этой эпохи рождена русской прогрессивной демократической мыслью. Воспитанные на русской культуре, крупнейшие деятели национально-освободительной эпохи — Раковски, Либнев Каравелов, Ботев, Левски и другие — ввели болгар в семью культурных народов. Учителями этих апостолов болгарской свободы были Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Гоголь, Толстой, Тургенев, Пушкин, Лермонтов.

Основные идеи национально-освободительной эпохи полностью отразились и в новой болгарской литературе. Это — борьба за свободу и независимость Болгарии, неустанная любовь к великому русскому народу и другим славянским народам. И надо сказать, эти идеи и по сей день питают передовую болгарскую литературу. Мы их найдем в том или ином виде и у больших и у малых болгарских поэтов и писателей. Гиганты болгарской литературы — Ботев и Каравелов — не раз высказывали свое восхищение русским народом. Путь к освобождению Болгарии и других славянских стран они видели только в единении всех славян против господства немцев. В более близкие и наивысшие времена такое же любовное отношение к русскому народу мы встречаем у Ивана Вазова, а позднее — у Дмитрия Странникова, у Трайко Китанчева и других болгарских писателей.

О симпатии к русскому народу и ко всему славянству говорят лирические стихи Вазова. А главный герой его романа «Новая земля» — идеалист-русифил — наделен автором самыми благородными и возвышенными чертами характера виртуозного германфила доктору Доганскому, которого Вазов рисует человеком весьма отрицательных свойств.

Пламенный патриот Христо Ботев (1848—1876) и по сей день остается духовным вождем болгарской молодежи.

Чувство горячей симпатии и дружбы к великому русскому народу проявилось особенно ярко в произведениях молодых поэтов и писателей Болгарии — это храброе поколение, учителем которого был Ботев.

Среди современных болгарских поэтов мы упомянем здесь только Смирненского, который посвятил великодушные стихи подвигам Красной кавалерии, подвигам всего русского народа, героически отстоявшего свою свободу. Имен молодых болгарских поэтов, отмечавших в своих стихах каждое завоевание, каждое достижение великого советского народа, мы, по понятным причинам, не называем. Эти люди живут и борются теперь в Болгарии под кровавым салогом Гитлера и его приспешников. Многие из них в тюрьмах и концентрационных лагерях.

Братские чувства к русскому народу

живы в великом сердце маленького болгарского народа. Особенно ярко вспыхнули они в последнее время в связи с полным нападением фашистов на Советский Союз. Весенний митинг в Москве встретил горячий отклик в Болгарии. В стране, окупированной ордами Гитлера и его гестапо, люди все-таки нашли возможность услышать выступления ораторов на Всесоюзном митинге в Москве. Они слушали тактом, с трепетным волнением пламенные и правдивые речи выступающих и отходили от прижимки с твердым решением сделать все, что в их силах, для скорейшего уничтожения Гитлера и его банды. На улицах Софии и других городов Болгарии появились листовки. На стенах частных и общественных учреждений люди начали вывешивать лозунги: «Да здравствует славянское братство», «Долой Гитлера».

Но народ с этим в Болгарии находится люди, знающие себя болгарами, которые посмели писать и говорить, что славянства вообще нет, что болгарский народ — не славянский народ. Эти продажные на геббельсовской банде весь болгарский народ ответит своим великим презрением, и недалек день, когда им воздадут по заслугам.

Накануне освобождения Болгарии, в пятый 1878 г. — год апрельского восстания Ботев с большим трудом экипировал постоянный отряд и направил его в Руминию в Болгарию. На Дунае он захватил немецкий пароход «Радский» и перенес свой отряд на болгарский берег. Но он опоздал: восстание уже было подавлено. Виз князя Болгария горела. Путь Ботева от берега Дуная до Врачанских Балкан был его Голгофой. Он пал смертью храбрых. Погиб за свободу родины, чтобы жить вечно, как сам он сказал в своей бессмертной балладе «Жадки Дмитрий»:

Тот, кто в бой за родину падет,
Не умирает.

Ботев — не только первый и непревзойденный поэт Болгарии, но и родоначальник школы, которая через Вазова, Киркова, Полянова, Андреевца, Смирненского ведет к Гео Милеву, Христо Яневскому и многим другим, кто и по сей день борется и творит в Болгарии.

Первый болгарский бетрист — Либнев Каравелов (1837—1879) Он ученик Чернышевского, с которым был лично знаком. Под непосредственным влиянием «Что делать?» он ищет «Винована ли судьба». Литературное наследство Каравелова по своему значению может сравниться только с Вазовым.

Подлинным создателем болгарского Парнаса был Иван Вазов (1850—1921). Он проявил себя, как первоклассный мастер в области лирики, эпоса и драмы. О нем, как и о Ботева и Каравелова, можно с полным правом сказать, что он вырос под влиянием русской общественной мысли и русской литературы. «Под именем Вазова» и по сей день лучшее этическое произведение болгарской литературы.

Все творчество Вазова создавалось на национальной почве. Он — национальный поэт в подлинном смысле слова. Его произведения — живой опыт нынешним поколениям писателям, открывающимся от славянства и от великой России.

БИОГРАФИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Сейчас, в героические дни, когда наша родина мужественно борется с кровавыми фашистскими захватчиками, особый интерес советской молодежи, естественно, вызывает образ беззаветно преданных стране патриотов.

В небольшой книжке Ситина рассказывается именно о таком человеке. Изобретатель, Герой Социалистического Труда, Борис Шпитальный, все свои знания, весь свой большой талант отдал обороне родины от ненавистного врага.

Образ Шпитального показан читателю как бы в трех планах — человек, ученый, общественник.

Чувство коллективизма, сознание невозможности добиться победы «в одиночку», неиссякаемая воля к знанию, умение бороться и побеждать трудности, горячая дружба с товарищами по работе, наконец, глубочайшая преданность делу социализма, делу партии Ленина — Сталина — таковы основные черты характера Шпитального.

Е. А. Ситин. «Изобретатель сверхчеловека». «Молодая гвардия». 1941 г.

Заслуга автора биографии в том, что он не только рассказывает об этих чертах, а и показывает их в действии.

К числу несомненных достоинств книжки, повышающих ее воспитательное значение, относится умение Ситина показать на примере творческой деятельности Шпитального, что работа не приходит легко и просто, — нужны знания, огромная воля к труду, к борьбе.

В книжке есть и недостатки. К ним относятся некоторая сухость, полнота «таблеточной» лексики, излишняя перегруженность (особенно во второй половине) техническими терминами. Вообще первая часть биографии (рассказ о детстве и юности изобретателя) удалась автору больше, чем последующие.

Но основная задача все же автором выполнена. Книжка несомненно возбуждает интерес читателей к проблемам оборонной техники; она прививает нашей молодежи горячую любовь к труду, глубокую веру в творческие силы коллектива.

Н. ДАНИЛЕВСКАЯ

А. ГУРВИЧ ЛЮДИ, ЖИВУЩИЕ В НАШЕЙ СТРАНЕ

Одну из своих фронтowych корреспонденций В. Ставский назвал «Огонь на себя». Это было очень удачное название. В нем выражена та беспредельная сила, которая, возникшая в суровые дни народного бедствия, оставляет позади себя все другие виды любви и близости.

Корреспондент с фронта пишется быстро, напряженно. Нас белое знакомство с замечательными людьми и радующимся с ними на полустопе, на многоточии, чтобы успеть рассказать еще о других, о третьих. И они проносятся мимо нас метрами, эти могучие люди, каждому из которых стоит посвятить писательскую жизнь.

Герой очерка Ставского лейтенант Будко «по виду совсем мальчик — загорелый, застенчивый, с выветрившимися бровями» корректировал огонь своей батареи из полнотного горючего танка, который оказался великодушным наблюдательным пунктом. Потеряв множество людей, фашисты, наконец, нанюпали месторасположение названного пункта. Они окружили танк и горючку храбрецов — тринадцать человек, среди которых был и тяжело раненный командир дивизиона Мокрый. «Выпускай последние патроны из пистолета, лейтенант Будко подумал: конечно же, в плен он живым не сдастся. Но ведь он отвечает за жизнь товарищей! Умереть не трудно. Надо разбить врага. Надо найти выход из этого смертельного кольца, и он нашел его.

Уже разбит был пулемет, уже иссякали последние патроны у товарищей. Медлить нельзя было ни одной минуты.

Через телефониста Шестопалова, который лежал возле танка в окопчике, лейтенант Будко передал на батарею приказ. Этот приказом он вызвал огонь на себя, на танк, в котором находился сам и под которым в окопе находились его боевые друзья... И он, лейтенант Будко, как руководил огнем своей батареи, что

разрывы снарядов образовали огненное кольцо вокруг танка. В этом кольце разрывов лейтенант Будко оставил выход по лопатке в нашу сторону.

Вся группа отважных артиллеристов вышла и вынесла на руках товарища Мокрого.

Отдать жизнь за родину всегда считалось высшим самопожертвованием. И в самом деле, что может человек дать больше, чем всю его жизнь, чем его существование в этом мире? И неужели, умирая в бой, смертью героя, человек может еще чувствовать себя виноватым, невыполнившим своего долга?

СТАТЬЯ ВТОРАЯ*

Каждый день войны знакомит нас с людьми, которые думают иначе.

Лейтенант Будко твердо решил для себя, что он живым в плен не сдастся. Он, вероятно, как и у одного из комсомольцев, описанных в очерке И. Вирты, оставлена для себя бритва. Так или иначе, но в случае полной безысходности он сам нанесет себе последний удар, но не уступит его врагу. Решение твердое и бесповоротное. Но мысль эта гдето из запального пути сознания. А вот сейчас, здесь, на линии боя, лейтенант Будко не видит себя, он видит только своих товарищей и раненого командира. Он отвечает за их жизни. Не по устану, а всем своим существом. Отвечает, если даже сам погибнет. Собственная смерть реально, картина представляется ему лишь как дальнейшая судьба четырнадцати собратьев по оружию. Что будет с ними? Как будет продолжаться бой? Секундная мысль о том, что будет без меня, не оставляет места мысли о том, что будет со мной? Ведь, подумав о возможности своей гибели, лейтенант Будко успокоился тем, что, живым в руки врага не достанет. Но в отношении своих товарищей он этой мысли не принял. «Надо найти выход из смертельного кольца, и он нашел его!» Инстинкт дружбы людей советской страны сильнее инстинкта жизни. Он оказывается самым сильным возбудителем творческой энер-

гии. Если умереть легко — значит нельзя умереть. Надо устоять. Надо не просто пожертвовать собой, а вызвать к действию все силы своего ума и тела. И победить. А если все-таки придется упасть, то лишь после того, как подымаешься во весь свой могучий рост.

Смертью победителя умер младший лейтенант Семен Киржнер. О нем рассказано нам в своей корреспонденции О. Курганов. Семен Киржнер тоже артиллерийский наблюдатель. Две недели немцы, пытавшиеся прорваться в село, несли тяжелые потери от беспощадного огня нашей артиллерии. Две недели искали они смелого наблюдателя, притаившегося где-то поблизости. Они снесли вокруг себя все, что могло служить пунктом наблюдения. «Киржнер спокойно сидел высоко над селом в стволе старого дуба и наблюдал на карту огневые точки врага. И вот они нашли его. Минировали вокруг дуба, но Киржнер принял огонь на себя, продолжал свое дело. Затем он спустился по стволу и попал. Старый дуб уже охватил пламенем. Забыл об опасности, Киржнер побежал к сосне и был смертельно ранен осколками мины.

Артиллеристы «поочередно подходили к своему замечательному наблюдателю, прикладывали ухо к его сердцу: Киржнер был мертв. Его положили на шину. Теперь нужно было сообщить командиром Митяну Лунинкову. Лунинков пришел и сразу остановился. Он молчал. Так простоял он в каком-то оцепенении, пока его не позвали артиллеристы. «Надо хоронить», — сказал он — Лунинков разглядел смутную карту, найденную у Киржнера, подсчитал огневые точки немцев, оживился.

— Мы похороним его, как настоящего артиллериста и отважного советского воина... С салютом... Как полюбил... Но это должен быть боевой салют. Ни один снаряд не будет выпущен вступую. Вот сам Киржнер дает нам команду. Этим салютом мы должны уничтожить все мины и артиллерийские точки, нанесенные на карту.

...Потом молча зарыли могилу, постояли у свежего земляного холмика. Лунинков сказал: «Пора!» — Раздался оглушительный залп из всех орудий по вражеским батареям, минометам, окопам. И новый наблюдатель уже доносил о взрывающихся блиндажах, об уничтоженных орудиях и солдатах, валявшихся в воздухе.

Но капитан Лунинков еще не успокаивался. Он командовал: «Огонь, огонь!» Салют превратился в канонаду.

В очерке Курганова есть одна подробность, которая многое сказала бы нам о младшем лейтенанте Киржнере, если бы даже мы не знали его подвига. Когда Киржнер был ранен, к нему подбежал и подхватил его на руки молодой наводчик Михаил Самсонов. «Киржнер, как всегда, смотрел на мир спокойными, ясными глазами. Он прошептал: «Я ранен... Самсонову показалось, что младший лейтенант произнес эту фразу каким-то виноватым голосом.

Виноватый голос Киржнера роднит его с лейтенантом Будко. Киржнер в жестоком бою тоже не видит себя и думает только об остающихся. Он слабей. Он умирает. Ему нелегко перед товарищами. Он оставляет их в своем сознании он уходит не от жизни, а из боя.

В этом чувстве и скрыта та посмертная сила, которая позволяла Киржнеру прогнать врага и после своей гибели.

Для спасения боевого товарища человек находит силы, которых он никогда не нашел бы в себе для собственного своего спасения. Чужая рана жжет больше своей. Заставляет забыть свою. Это может показаться разорванным поэтическим образом, плодом литературного пафоса. Но никакое самое безудержное воображение не может обогнать правды наших великих трагических дней.

Мы знаем красноармейца Кирготина, который на лодке, получивший несколько пробоин, окруженный рвущимися снарядами и фонтанами воды, «телом своим укрыл раненых бойцов». Это — не образ, это — буквальное, точное определение действия красноармейца Кирготина. Раненые товарищи были рядом, совсем рядом, им грозила смерть. Кирготин видел это и только это. А самого Кирготина видели другие. Они рассказали о его поступке и нам и ему самому.

Мы знаем комсомольца Ширшова, подвиг которого говорит о неистощимой силе человечности. «В бою были ранены три бойца, которых надо было немедленно

переправить на свой берег. Лодки вблизи не было. Комсомолец Ширшов ваял лодку на плечи раненого красноармейца и переплыл с ним на тот берег. Затем он вернулся в плавание назад, взяв второго раненого и снова на себе доставил его на пункт первой помощи. Ширшов окончен от холода, руки и ноги сводила судорога. Но на берегу был еще один раненый боец, и Ширшов снова бросился в воду. На середине реки Ширшов был ранен. Он нашел в себе силы доплыть до места, взять раненого товарища и добраться с ним в плывало до своего берега...»

Вот все, что сказано о Ширшове в корреспонденции старшего политрука С. Болыза и Д. Руднева. К этому скупому рассказу необходимо добавить еще только одну фразу. Если бы Ширшов, оконченный от холода, сведенный судорогой и раненый, должен был в третий раз переплыть реку, никого не спасая, кроме себя, у него хватило бы для этого сил!

Никогда не изгаданы из нашей памяти левушка, которая, лежа на пнецах раненого, сама была трижды ранена и, как потом оказалось, более тяжело, чем боец, которого она спасала, и все-таки неостановившись на себе силы, чтобы доплыти с потерянными сознанием бойцом до безопасного места.

И еще одну женщину хотелось бы здесь вспомнить. Ничто не вызывает такой тревоги за судьбу гибнущих, где-то далеко людей, как вести о том, что в бою, в момент активного участия в борьбе, легче, чем бескомпромиссное ожидание смерти. Когда толпа «Гитанин» не может обогнать правды наших великих трагических дней.

Мы знаем красноармейца Кирготина, который на лодке, получивший несколько пробоин, окруженный рвущимися снарядами и фонтанами воды, «телом своим укрыл раненых бойцов». Это — не образ, это — буквальное, точное определение действия красноармейца Кирготина. Раненые товарищи были рядом, совсем рядом, им грозила смерть. Кирготин видел это и только это. А самого Кирготина видели другие. Они рассказали о его поступке и нам и ему самому.

Мы знаем комсомольца Ширшова, подвиг которого говорит о неистощимой силе человечности. «В бою были ранены три бойца, которых надо было немедленно

переправить на свой берег. Лодки вблизи не было. Комсомолец Ширшов ваял лодку на плечи раненого красноармейца и переплыл с ним на тот берег. Затем он вернулся в плавание назад, взяв второго раненого и снова на себе доставил его на пункт первой помощи. Ширшов окончен от холода, руки и ноги сводила судорога. Но на берегу был еще один раненый боец, и Ширшов снова бросился в воду. На середине реки Ширшов был ранен. Он нашел в себе силы доплыть до места, взять раненого товарища и добраться с ним в плывало до своего берега...»

Вот все, что сказано о Ширшове в корреспонденции старшего политрука С. Болыза и Д. Руднева. К этому скупому рассказу необходимо добавить еще только одну фразу. Если бы Ширшов, оконченный от холода, сведенный судорогой и раненый, должен был в третий раз переплыть реку, никого не спасая, кроме себя, у него хватило бы для этого сил!

Никогда не изгаданы из нашей памяти левушка, которая, лежа на пнецах раненого, сама была трижды ранена и, как потом оказалось, более тяжело, чем боец, которого она спасала, и все-таки неостановившись на себе силы, чтобы доплыти с потерянными сознанием бойцом до безопасного места.

И еще одну женщину хотелось бы здесь вспомнить. Ничто не вызывает такой тревоги за судьбу гибнущих, где-то далеко людей, как вести о том, что в бою, в момент активного участия в борьбе, легче, чем бескомпромиссное ожидание смерти. Когда толпа «Гитанин» не может обогнать правды наших великих трагических дней.

артиллерии, прикрываясь женскими и детьми, посмотрят в глаза этой удивительной женщине. Они не знают стыда, но если они способны еще хоть что-нибудь понимать, им станет страшно. Ни жестокая жестокость, ни поледшая из подлости никогда не излечит из себя столько сил, сколько таит в себе чувство братства и солидарности свободных людей, борющихся за правое дело. Это чувство творит чудеса, оно вырастает крыльями огромной силы и размахом, надеждными для самых высоких валецов. Маленькая девушка-санитарка, оказавшая уже помощь десяткам раненых, лежит во время боя в порохе, свернувшись, как кулечек, и дремлет. Но вдруг снаряд убивает командирского отряда, и девушка, увидя замешательство, вскакивает, берет на себя командование и увлекает за собой множество бойцов. Ник Тихонов подвинул не смелость и решительность девушки, а свернувшись с ней физическое чудо. Слабый, тихий от природы, немощный голос девушки стал громовым!

Этот голос слышали и запомнили на поле боя все, кроме нас самой.

Не знаящая себя красота влечет прекрасна. Герой отечественной войны виноватым голосом говорит о том, что он ранен. Он чувствует себя нелепо, когда к нему приходит слава. Все связанное о его деятельности кажется ему обыденным, а необычное, удивительное, героическое — это где-то там, в прекрасном мире искусства и литературы. Славный политрук Марьясин все время выплывает у Веролова Иванова, что делается в литературе. Разговаривая со Ставским, Царев, только что захвативший два вражеских пулемета, сейчас в эту минуту, несмотря на грохот немецких мин, больше всего интересуется, над чем работает советские писатели.

Простой и неподвижный человек, он не видит себя в великих событиях, которые сам же создает. И с прекрасным невелем спрашивает, над чем работает советские писатели в тот момент, когда писатель глядит ему в глаза, стасканным, тем, что нашел своего героя.

Литературная газета

Над чем работают писатели-антифашисты

Многие немецкие и венгерские антифашистские писатели и поэты, лишенные возможности жить и работать на своей родине, обрели в Москве широкий простор для плодотворной творческой деятельности. За последние годы в Москве выпущено огромное количество их книг на иностранных языках и в переводах на языки народов СССР.

Талантливый немецкий поэт Иоганнес Бехер написал ряд книг, из которых особенно заслуживают внимания сборники стихов «Сонеты», «Вновь рожденные», «Семь лет» и роман «Прощание» — социально-психологический документ на тему о конфликте поколений, об отцах и детях, вступивших в жизнь накануне первой мировой войны.

О каждой из этих книг уже много писали и, несомненно, еще напишут. Недавно Иоганнес Бехер слал в печать две новые книги стихов — «Высокое небо над полем битвы» и «Священная война», посвященные войне Советского Союза с фашистской Германией.

Несколько книг написал известный писатель Фридрих Вольф, автор пьесы «Профессор Мамлок», с успехом шедшей в Америке и возобновленной в настоящее время в Москве в новом варианте. Сейчас издательство «Международная книга» печатает его новую пьесу «Бомарше» («Рождение Фигаро»). На днях вышли из печати рассказы Фр. Вольфа под общим названием «Концлагерь Верзи» (жизнь антифашистов во французском концлагере в 1939 г.). Выходит в сокращенном виде его роман «Двое на явнице». Темой романа является подпольная борьба на родине Германии и Чехословакии до ее захвата Гитлером. В настоящее время Вольф работает над повестью «Гастел Гильберт» и закончил литературный сценарий «Невидимая бригада» — из жизни французского концлагеря в 1939—1940 г.

Большую популярность завоевала сборник рассказов Вилли Бределя из эпохи французской революции «Комиссар на Рейне» и роман «Испытание», рисующий жизнь концентричного лагеря в Германии. Сдан в печать роман Бределя «Родственников и знакомых» из жизни протестантской семьи в Гамбурге. Отдельными маленькими книжками выходят его рассказы, рисующие борьбу советских партизан с диверсантами, расправу репрессии с антифашистами, преследование евреев в третьей империи.

Адам Шаррер выпустил антифашистский роман «Семья Шуман», слал в печать новую книгу «Истух на Раувайденра». В ней он описывает хорошо знакомую ему жизнь немецких крестьян и на фоне ее пробуждение их классового самосознания. Хороши его отдельные изданные рассказы «Признание» и «Свадебное путешествие». Недавно в серии «Маленькая библиотека» вышла его книжка под названием «Хозяин в доме» — рассказ о наглом хозяйничаньи штурмовиков в германской деревне.

В этом году вышла интересная повесть

Теодора Пливье «На задворках мира». Это — приключения молодого матроса в глухом углу Мексиканского побережья. Прекрасно описана тяжелая жизнь рабочих селитряных месторождений. Интересны также повести Пливье «В Компенском лесу», «Только эпизод» и «Солдат Гитлера». Первая уже вышла, остальные две выходят в ближайшее время.

Много написал и пишет Вела Валаш. За эти годы вышли его повести для детей «Генрих начинает борьбу» и «Карл Бруннер», «У костра» — лирические стихи, и посвященные революционному движению и новой родине поэта — Советскому Союзу. Недавно вышла его новая повесть для юношества «Карл, где ты?», в которой Валаш дает яркую картину борьбы передовой германской молодежи с фашизмом.

В редакционном портфеле издательства «Международная книга» находится автобиографический роман Валаша «Молодость менталя». Уже вышли две его драмы — «Монтари» и «Возвращение». Сейчас выходит маленькая книжка его рассказов. Тема рассказа «Могучейственный союзник» — столкновение между венгерскими и германскими войсками в Карпатской Украине. Рассказ «Воспитание» рисует расправу фашистов над населением Голландии. Теперь В. Валаш работает над пьесой «Свадебная ночь», рассказывающей об антифашистской борьбе сербского и венгерского народов.

Прекрасно сделаны поэтами Гуго Гуппертом и Францем Лейнхеймером перевод на немецкий язык избранных произведений Маяковского. Они изданы двумя книжками. Гуго Гупперт выпустил сборник своих оригинальных стихов «Времена года». Готовится в его переводе третья книга стихов Маяковского.

Много оригинальных стихов и переводов опубликовал поэт Эрнст Валнтер. Вышли две книги стихов поэтессы Клары Блюм.

Писатель Фриц Эрпенбек написал в 1939 г. антифашистский роман «Эмигранты». Недавно вышел его роман «Грюндлер».

Плодотворно работает венгерские писатели — Габор Гай, Гергель. Андор Габор пишет стихи, рассказы; Шандор Гергель написал исторический роман «1514» и книгу рассказов «Вино» из жизни венгерской деревни. Талантливый драматург Юлиус Гай написал ряд пьес: «Вдова», «Распродажа», «Встреча» и др.

Мы перечислили далеко не все, что написано и издано в Москве немецкими и венгерскими антифашистскими писателями, и не обо всех писателях упомянули. Многие написали Курелла, Дора Венчер, Гедда Циннер, Вангенгейм, Роденберг.

В дни ожесточенной схватки Советского Союза с озверевшим германским фашизмом антифашистские писатели вместе со всем советским народом включились в великую борьбу. Многие работают в центральной или фронтовой военной печати, на радио, выступают на собраниях, митингах

и могут послужить старинные русские песни, сплетенные народом в отечественную войну 1812 года.

Терника наших дней представлена в сборнике песнями «Три марша» (текст В. Лебедева-Кумача, музыка Дм. и Дан. Покрасс), «Провожала мать сыночка» К. Листова, «До свиданья, города и хаты» (стихи М. Исаковского, музыка М. Блантера), «Мы фашистов разобьем» композитора Вану Муралеи.

В небольшом по размеру сборнике отведено место самым разнообразным жанрам. Здесь мы встречаем и суровый боевой марш, и задумчивую лирическую песню, и частушку, и шуточную песню, и метко бьющую по врагу (например, «Серьезный разговор» Ю. Милутина на стихи В. Виноградова). В истории русского народного искусства умор, музыкальная шутка, частушка имеют давнюю и почетную традицию. Этот излюбленный в народе жанр должен быть как можно полнее и разнообразнее сейчас использовать, как одно из наиболее действенных и выразительных художественных средств.

В выпущенном Музизом сборнике отразено, разумеется, далеко не все, что создали наши музыканты за месяцы великой отечественной войны. Из помещенных песен по справедливости заслуживают особого внимания песни В. Белого, В. Муралеи, М. Блантера, К. Листова, Дм. и Дан. Покрасс. Большинство песен сборника, несомненно, прочно войдет (и уже входит) в самый широкий полнокровный массовый обиход.

Е. НОВИКОВА

Писатель Савелий Владимирович Рубен, Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Красного Знамени

Письмо в редакцию

Дорогие друзья и товарищи!

С чувством величайшей гордости я узнаю, что правительство наградило меня боевым орденом Красного Знамени.

Глубоко взволнован. Моя скромная боевая работа так высоко оценена партией, правительством, советским народом.

Через «Литературную газету» я хочу выразить моих друзей и товарищей, в особенности моих боевых земляков-ленинградцев, мужественно сражающихся за жизнь, честь и свободу великого города Ленина, что все свои силы, всю жизнь я отдам на борьбу с коварным и гнусным врагом — германским фашизмом, за счастье советского народа, за нашу любимую Родину.

С большим волнением слушаю я радиопередачи из Ленинграда, читаю корреспонденции наших писателей. Мужественный город, мужественный народ! Дорогие летчики-герои! Будьте тверды в бою, и вы победите. Помните, что вся страна с восхищением следит за вашей борьбой с врагом, вся страна протягивает вам свои руки, помогает вам.

Я шлю свой горячий боевой привет летчикам-героям, партизанам Тихонову, Сайнову, Зощенко, Бражнину, Прокофьеву, всем, всем, кто штыком и пером помогает ковать победу над врагом. До скорой встречи!

Пишите, дорогие друзья! Член ССП, председатель Ленинградского горкома писателей

Сав. РУБЕН

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

ЛЕНИНГРАД. Исторический факультет Ленинградского университета выпускает издательство ЛГУ серию брошюр на оборонные темы. Среди них: брошюра «Германский миротворец» в прошлом и настоящем профессора Милова и Иветтиса, «Выдающийся историк французской революции фашистский доцент Петрова», «Черные дни германской армии в 1918 году» доцента Броннига, «Русско-американская дружба» доцента Малина, «Русская армия в борьбе за освобождение германского народа от иллозорного господства» ассистента Рабиновича. А также русско-еврейские накануне отечественной войны 1912 года» ассистента Гуткина.

Кроме того, будет выпущена брошюра об общественной и политической деятельности английского премьера Черчилля.

СТАЛИНО Вышел из печати сборник стихов «В бой за Родину», в издании Донецкого отделения ССП Украины. В сборнике приняли участие 12 донецких поэтов, и том числе Павел Беспощадный, А. Фарбер, Ю. Черкаский, работница Исково Мария-Полеско, завхоза А. Горюхова, Османов, и др. Больничной промышленности отражают глубокий патриотический шажок и металлургов Донбасса, ставших грудью за Родину на фронте и в кузницах победы в тылу. Прислаивают внимание песни о советском штыке Павла Беспощадного. Она заканчивается следующими строками:

Кузнецов и сталеловар
Гнев бескраен и велик!
Омертвевшим боем бьются фашисты
Их отравляет первый штык.

Интересна повесть «Сердце шахтера» — о старом шахтере-забойщике Иване Федотыче Понине.

А.М.А.А.А. Волжскую пролазарскую работу ведут авторы Южно-Кавказской области: они выступают перед колхозниками с антифашистскими песнями и стихами. Книжки «Орлянок» и «Колхозов» «Мир» дует, «Русская армия в борьбе за освобождение германского народа от иллозорного господства» ассистента Рабиновича. А также русско-еврейские накануне отечественной войны 1912 года» ассистента Гуткина.

«ЭПИСТА. Союз советских писателей Калмыцкой области подготовил к печати антифашистские произведения писателей Ледяникова «Смерть фашизму» и Иллариона «Мир» дует, «Русская армия в борьбе за освобождение германского народа от иллозорного господства» ассистента Рабиновича. А также русско-еврейские накануне отечественной войны 1912 года» ассистента Гуткина.

Все эти ряд других антифашистских произведений выпускаются на калмыцком и русском языках Калмыцким государственным издательством.

держана С. Маршаком и принята правительством, как пожелание Радиокомитету. Президиум принял также предложение П. Скобарева о посылке в братские республики людей для организации на месте литературного материала.

Выступивший на заседании председатель Радиокомитета тов. Поликарпов остановился на том, какое значение имеет участие советских писателей во всей радиопроблеме. Огромный ее размах требует сейчас привлечения гораздо большего количества литераторов для выступления в эфире. Наши квалифицированные писательские кадры могут и должны работать более интенсивно. Формы их выступления могут быть самыми разнообразными. Тов. Поликарпов подчеркивает важность создания боевых, доходчивых песен, которые благодаря радио могут стать популярными в самых широких слоях народа.

Затем тов. Поликарпов говорит о необходимости повышения качества всего передаваемого литературного материала. Значительную часть своей речи т. Поликарпов посвящает задачам радиофикации для детей.

После информации о работе инициативы, сделанной М. Цейтлингом, выступил А. Фадеев. Резюмируя прения, он предложил в ближайшие дни созвать широкое писательское совещание, посвященное работе писателей на радио. Обращаясь к представителям Радиокомитета, т. Фадеев рекомендовал привлечь для выступления писателей Латвии, Эстонии, Литвы, Белоруссии и Молдавии — писателей, которые на своем опыте знают, что такое германская агрессия.

ШИЛЛЕР И РОССИНИ

Пожалуй, никогда так пламенно и так действительно не звучало поэтическое слово Гете, Шиллера, Гейне, как сейчас, когда лучшие идеалы передового человечества впитаны в грязь и смешаны с кровью в гитлеровской Германии. Кажется, что сегодня о фашистских насилиях и борьбе с ними сказано в шиллеровской драме «Вильгельм Телль»:

Они сюда придут, пересчитают
Наш скот и наши пастбища обмерят;
Наложат руку на охоту в наших
Лесах свободных; у ворот, мостов
Соорудят свои а Bastun; будут
Платить за землю нашей ницетой
И за свои походы нашей кровью.
Нет, если уж платить за кровью надо,
То лучше за свое! Мы купим волю
Дешевле работы!

Впрочем, прогрессивная Европа никогда и не воспринимала драму Шиллера, как локальный эпизод восстания швейцарских крестьян против австрийского ита. Шиллеровский «Вильгельм Телль» по справедливости стал поэтическим символом борьбы народов за поправную родину, против всякого чужеземного насилия.

Создавая героическую народную эпопею, Шиллер-драматург искусно и широко использовал музыку. Вся драма насыщена народными пастушескими песнями. Порою автор как бы уступает музыку ведущую роль. Восставшие крестьяне проносят торжественную клятву. Они расходятся в разные стороны. На сцене пауза. И Шиллер делает примечательную ремарку: «Многие вступают оркестр». Символическую картину восхода солнца — прообразом народной победы — поэт поручает завершить музыке. И в финале драмы музыка снова сопровождает торжество победившего народа.

Когда к «Вильгельму Теллю» обратился Россини, драма Шиллера получила полное музыкальное раскрытие. Опера «Вильгельм Телль» была последним сценическим творением композитора.

Великий итальянец из Пезаро по-своему истолковал столь близкую его сердцу идею борьбы за освобождение родины от завоевателей. В образе Вильгельма Телля видел Россини вождя освободительной войны, ведущего за собой народные массы и неотделимого от них. Неслучайно музыкальные темы Телля так тесно переплетены с народными темами. Неслучайно в опере герой Вильгельм Телль не-

многословен, а его скупые речи тотчас же подхватываются хором народа.

Ни в одном из своих сценических произведений не обнаружил Россини в хоровых эпизодах столько творческого вдохновения, фантазии и мастерства, как в «Вильгельме Телле». В сущности на хорах, на больших развернутых ансамблях и построена вся эта монументальная опера, в которой живут и действуют два мира. И для мира борцов, героически отстаивавших родину, нечестеромо богаты музыкальные краски Россини — столько поэзии, свежести и мужественного полета, например, в хорах крестьян, рыбаков, охотников, всего трудового швейцарского народа. Напротив, музыкальная характеристика солдат форта нарочно примитивна и однообразна. В ней словно подчеркнута казарменная бездушие марширующих солдат-автоматов.

Шиллер и Россини, каждый по-своему, художественно решили центральную патристическую идею, выраженную в драме словами одного из героев: — О, велика над нами власть отчужденности!
И отсюда — борьба не на живот, а на смерть, борьба, не знающая страха, не останавливающаяся ни перед какими жертвами:

Мы вприве встать за высшие блага
Против насилия. Мы за край родной
Встаем. Встаем за жен и за детей!
Однако между поэтом и композитором встал либреттист: как это нередко бывает по оперным «традициям», текст либретто оказался весьма далек от поэтического подлинника, от сюжетной линии, от шиллеровского языка. В этом — серьезные трудности при постановке «Вильгельма Телля» на оперной сцене в наши дни.

Государственный академический Большой театр, который собирается поставить «Вильгельма Телля» в нынешнем сезоне, должен будет, вероятно, немало поработать вместе с поэтами-драматургами над тем, чтобы как можно больше приблизить либретто оперы к замыслам Шиллера и Россини. Это — почетная задача. Она стоит театр. Создание гениального немецкого поэта и музыканта-итальянца, возмущающегося к борьбе за человеческие права, будет достойным вкладом большого искусств в общую борьбу против Германии Гитлера и Италии Муссолини.

Е. КАМН

ГРЕЧЕСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

ПАРТИЗАНСКАЯ

Мой конь привычен к бою,
Ружье всегда со мною,
Есть пули для него,
И сабля есть стальная,
Поклажа осталая,
Не весит ничего.

Когда я не стреляю,
Я песни распоеваю,
Люблю я песни петь,
Мне милости не надо,
Я не прошу пощадить —
Умру, коль умереть.

Но мужа вспоминая,
Не плачу, моя родная,
А лучше песни пой.
Не плачу, сынок-проказник:
Я вышел не на праздник,
Я вышел в смертный бой.

Когда нас кличут сабли:
— Эй, други, не ослабей! —
Я сил не берегу.
И ничего нет слаще,

Мечты белокурой Мальхен

Если бы веселый, храбрый, великодушный Пантарагуэль — настоящий француз — попал в нынешнюю Францию Петана и Дарлана, он был бы уверен, что вновь прибыл на остров Ветриный. Жители этого дикий острова питаются воздушными мыльницами, широко раскрывая рта навстречу ветру. Пища даровая и обильная!

Гитлер отнял у Франции все, кроме ее воздуха. Петэн убеждает французов, что воздух — питательнейшая еда. Старый инициативчик побоялся бы напомнить о воздухе Франции, если бы вместе с чеством не потерял и память. Воздух Франции — особенный воздух! На крыльях своих несет он славу и национальную гордость великой страны!

Гитлер помнит об этом. Гитлер ненавидит и самый воздух Франции. Он не может лишить Францию ее последнего достояния, но он хочет обратить французов в покорных немецких рабов.

Белокурая Мальхен, с птичьей головкой в локотках снаружи и с птичьими мозгами внутри, нарядилась в принадлежащий ее мужу костюм штурмовика и послала карточку мужу, обер-ефрейтору наци Фридриху Герде на Восточный фронт. А с карточкой и нежное письмо:

«Дорогой Фриц! Я очень была рада твоей посылке из России. Я нашла очень миленький материал на платье, прямо как из Парижа. Дорогой Фриц! Не думаешь ли ты о меховом пальто для себя? Мальхен? Ах, любимый, когда я снова буду в твоих объятиях! Я так ужасно по этому соскучилась... Твой родителем причиняют мне много горя. Отец продал телку, а если бы ее продержал до рождения, можно было взять влвое больше за нее... Нужно беспокоиться о корме для коров. Французка у нас все еще нет. Наш старый бык больше не хочет смотреть на коров. Как только я окончу это письмо, я буду есть вафли. Ты же знаешь, как их любит твой маленькая Мальхен...
Вот как теперь осмеиваются писать о французах глупенькие, тупые немочки, лезшие жены спирных надпостов... Мальхен жлет не дожидается, чтоб на ее скотном дворе появился новый бык-производитель из Дании «двуногая скотина» — братак на Франции. Гитлер внушил миллионам немцев и немоч, что французы самим богом предназначены быть немецкими рабами и место для них — на скотном дворе, между быками и коровами. Но все коровы Петана (vache) — польские на парижском арто не помогут коровам Мальхен напть на французских заборах и смиренных скотников.
Пусть народу Франции оставили только воздух. Но этот воздух — воздух Франции! Он чреват бурей. Ураган сметет и Гитлера и его ставленников в Вилли Французки никогда не были и не будут рабами!»

М. ГУС

Многие немецкие и венгерские антифашистские писатели и поэты, лишенные возможности жить и работать на своей родине, обрели в Москве широкий простор для плодотворной творческой деятельности. За последние годы в Москве выпущено огромное количество их книг на иностранных языках и в переводах на языки народов СССР.

Талантливый немецкий поэт Иоганнес Бехер написал ряд книг, из которых особенно заслуживают внимания сборники стихов «Сонеты», «Вновь рожденные», «Семь лет» и роман «Прощание» — социально-психологический документ на тему о конфликте поколений, об отцах и детях, вступивших в жизнь накануне первой мировой войны.

О каждой из этих книг уже много писали и, несомненно, еще напишут. Недавно Иоганнес Бехер слал в печать две новые книги стихов — «Высокое небо над полем битвы» и «Священная война», посвященные войне Советского Союза с фашистской Германией.

Несколько книг написал известный писатель Фридрих Вольф, автор пьесы «Профессор Мамлок», с успехом шедшей в Америке и возобновленной в настоящее время в Москве в новом варианте. Сейчас издательство «Международная книга» печатает его новую пьесу «Бомарше» («Рождение Фигаро»). На днях вышли из печати рассказы Фр. Вольфа под общим названием «Концлагерь Верзи» (жизнь антифашистов во французском концлагере в 1939 г.). Выходит в сокращенном виде его роман «Двое на явнице». Темой романа является подпольная борьба на родине Германии и Чехословакии до ее захвата Гитлером. В настоящее время Вольф работает над повестью «Гастел Гильберт» и закончил литературный сценарий «Невидимая бригада» — из жизни французского концлагеря в 1939—1940 г.

Большую популярность завоевала сборник рассказов Вилли Бределя из эпохи французской революции «Комиссар на Рейне» и роман «Испытание», рисующий жизнь концентричного лагеря в Германии. Сдан в печать роман Бределя «Родственников и знакомых» из жизни протестантской семьи в Гамбурге. Отдельными маленькими книжками выходят его рассказы, рисующие борьбу советских партизан с диверсантами, расправу репрессии с антифашистами, преследование евреев в третьей империи.

Адам Шаррер выпустил антифашистский роман «Семья Шуман», слал в печать новую книгу «Истух на Раувайденра». В ней он описывает хорошо знакомую ему жизнь немецких крестьян и на фоне ее пробуждение их классового самосознания. Хороши его отдельные изданные рассказы «Признание» и «Свадебное путешествие». Недавно в серии «Маленькая библиотека» вышла его книжка под названием «Хозяин в доме» — рассказ о наглом хозяйничаньи штурмовиков в германской деревне.

В этом году вышла интересная повесть

В бой за Родину!

Под таким названием вышел в свет первый массовый сборник песен великой отечественной войны, под общей редакцией В. И. Лебедева-Кумача и композитора Р. М. Гилера.

Эту небольшую книжку с вниманием встретят не только исполнители-профессионалы, но и наша боевая красноармейская самодеятельность.

Песня — крылатая птица. Смелых скаклет в поход, — говорится в «Песне смелых» (текст А. Суркова), и композитор В. Вейль талантливо проиллюстрировал эту простую и верную мысль музыки большого, широкого дыхания, ясной, мужественной и уверенной. Неслучайно «Песня смелых» уже стала такой популярной.

В сборнике помещены «Марш сталинской авиации» (текст С. Алымова, музыка П. Акуленко), «Пехотная боевая» (слова А. Лукина, музыка Дм. и Дан. Покрасс), «Боевая ополченская» тех же композиторов. В этих песнях отражены мучи и доблесть всех родов советского оружия. В текст «Боевой ополченской» (С. Алымова) удачно введена история русских побед:

Вили немцев прадеды под Исковом,
От Берлина брали мы ключи...
Может быть, авторам песен нынешних боевых дней следует еще шире обращаться к родной истории. В славном прошлом непобедимого русского народа мы черпаем силу и уверенность в предстоящей победе над гитлеризмом. Кстати, прекрасным примером для наших поэтов и композиторов могут послужить старинные русские песни, сплетенные народом в отечественную войну 1812 года.

Терника наших дней представлена в сборнике песнями «Три марша» (текст В. Лебедева-Кумача, музыка Дм. и Дан. Покрасс), «Провожала мать сыночка» К. Листова, «До свиданья, города и хаты» (стихи М. Исаковского, музыка М. Блантера), «Мы фашистов разобьем» композитора Вану Муралеи.

В небольшом по размеру сборнике отведено место самым разнообразным жанрам. Здесь мы встречаем и суровый боевой марш, и задумчивую лирическую песню, и частушку, и шуточную песню, и метко бьющую по врагу (например, «Серьезный разговор» Ю. Милутина на стихи В. Виноградова). В истории русского народного искусства умор, музыкальная шутка, частушка имеют давнюю и почетную традицию. Этот излюбленный в народе жанр должен быть как можно полнее и разнообразнее сейчас использовать, как одно из наиболее действенных и выразительных художественных средств.

В выпущенном Музизом сборнике отразено, разумеется, далеко не все, что создали наши музыканты за месяцы великой отечественной войны. Из помещенных песен по справедливости заслуживают особого внимания песни В. Белого, В. Муралеи, М. Блантера, К. Листова, Дм. и Дан. Покрасс. Большинство песен сборника, несомненно, прочно войдет (и уже входит) в самый широкий полнокровный массовый обиход.

Е. НОВИКОВА

НА ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА ССП СССР С АКТИВОМ ПИСАТЕЛЕЙ У МИКРОФОНА

Эфир — один из важнейших участков пропаганды. На волнах различной длины идет напряженная борьба против фашистской демагогии, лжи и клеветы. Участие советских писателей в этой борьбе было посвящено расширенное заседание президиума ССП с активом.

С докладами выступили тт. В. Гусев и В. Ермаилов.

— Если раньше писатель выступал по радио редко и случайно, то теперь положение изменилось. Голос писателя зазвучал в эфире. За три месяца было 133 писательских выступления у микрофона. Такие писатели, как Лебедев-Кумач, Эренбург, Вс. Иванов, Катаев, Маршак, Чуковский, Кассиль, вступили в непосредственное общение с сотнями миллионов советских и иностранных слушателей.

Сейчас в качестве авторов на радио работает большое количество литераторов. Однако нужно признать, что их работа уже мало нас удовлетворяет. Основной темой наших передач является дневник отечественной войны. К сожалению, дневник этот мы подаем однообразно. Происходит это потому, что писатель описывает не человека, а событие. Он берет из жизни факт и слегка его беллетризирует. Получается монотонно. Очерки и рассказы начинают походиться один на другой. Пора, как видно, перейти к показу характеров, к портретным зарисовкам.

Очень жаль, что писатели не внимают к потоку песем, адресованных на фронт и получаемых нами с фронта. Средств

Литературная газета

№ 4

Батальоны на защите Ленинграда. Советские «подари» для немецких фашистов

Фотохроника ТАСС

КИНОСБОРНИКИ № 6 и 7

Комитет по делам кинематографии готовит к выпуску киноборники № 6 и № 7 «Победа за нами». В киноборник № 6 войдут антифашистские сатирические короткометражные фильмы и миниатюры: «Самый храбрый», «Настоящий патриот», «Белая ворона», «Крестовосец» и другие. Интересный концерт сборника написали Е. Помещиков и Н. Рожков. Программу будет вести актер, иракский чешского солдата Швейка, очутившегося в немецком концлагере.

В киноборнике № 7 войдут фильмы «Гир в Жирмуке», «Испытание», «Летящая в английском воздушном флоте» (английский документальный кинофильм), Сценарий Гарольд Гуд, режиссер Фредсис Сярд. Концерт сборника № 7 ведут лауреаты Сталинской премии артистка Зоя Федорова и артист Ник. Кручков.

ДВА ТОМА ДИКЕНСА

В Детстве вышли два тома полнотного издания сочинений Дикенса, издаваемых под редакцией Евгения Липина. В томе III помещены полностью роман «Жизнь и приключения Николая Пикльз» (перевод А. В. Кривоногов). В томе IV — рассказы и повести (перевод М. И. Клягвиной, Кондратьева). Ряд рассказов, выходящих в этот том, впервые печатается на русском языке.

С. В. ШУВАЛОВ

2 октября от разрыва сердца скончался профессор Сергей Васильевич Шувалов. Его литературоведческие интересы были многосторонни: один из лучших знатоков Лермонтова, он был автором многочисленных этюд о советских прозаиках; исследователь древнерусской литературы и фольклора, автор выдающейся диссертации о старинных славянских легендах, он был вдумчивым ценителем поэзии Блока, пристальное внимание к идейным, общественным основам искусства соединилось в его трудах с детальным анализом приемов словесного мастерства. Прекрасный педагог, живой, отзывчивый человек, С. В. Шувалов всегда горел в работе; уча молодежь, не переставал учиться, служил примером советского ученого, беззаветно преданного своему делу, отдающего народу все силы и накопленные знания.

В. Кирпотин, Н. Бродский, Н. Гудзий, И. Розанов, П. Богатырев, С. Бонди, М. Цяловский, И. Сидоров, Е. Никитина, П. Скобарева, Д. Благой, В. Ржига.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИФШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

«ОНИ НИКОГДА НЕ СДАДУТСЯ»

Гарвей Клеммер, сотрудник американского посольства в Лондоне, находился в Англии с 1938 по 1941 г. Он пережил около четырех лет бомбардировок и однажды попал под обстрел пулемета. По возвращении в Соединенные Штаты Клеммер написал книгу «Они никогда не сдадутся», вышедшую в Нью-Йорке издательством «Уайлд фокс».

«Это удивительная книга, — пишет американский журнал «Сторней ревью» об этой книге. — Гарвей Клеммер не пишет нас, он не скрывает на зрелые описания, на чудовищные подробности влеть до воспроизведения апапов. Поражает особенно, с какой яркостью выносятся все эти ужасы «Англичане» — угорные ребята, непробудный народ», говорит Клеммер. — Не верьте тем, кто утверждает, что англичане не выдержат, что они никогда не сдадутся».

Эту книгу написал человек, страстно стремящийся доказать, что «англичане